

АНДРЕЙ ЛАВИН

ИГРЫ ГЕРОЕВ

Пролог

Зацепившись ногами за балку, я висел вниз головой с Кинжалом Тьмы в руке и наблюдал за человеком, которого собирался убить.

Верховный Жрец Храма Светлой Мессы был облачен в золотистый хитон, голову его венчала высокая тиара, посверкивающая драгоценными камнями. Сжимая уникальный посох Светозар, с набалдашником в виде золотого круга, Жрец величественно шел к главному храмовому алтарю.

Скрытый от всех магией Незримого Плаща, я висел неподвижно, наблюдал за своей жертвой и думал о том, как растасую полученные деньги. Золото больше не берем, все идет к тому, что цена его в ближайшие годы особо расти не будет, а вот еще несколько бриллиантов прикупить стоит. Положу их в ячейку того же банка в офшоре, и пусть лежат себе. Сто тысяч евро отправлю на счет в Австралии, пятьдесят — на швейцарский. После того как раздербаним с Умником свои доли, надо будет еще подбить расходы, чтоб понять, сколько чистыми срубил. Вот этот Плащ, допустим, реальный такой расход, весомый. Обошелся в три миллиона золотых феврских крон. Хотя я не платил за него — во столько вылилась операция по изъятию плаща из сокровищницы Королевы фей, когда пришлось усыпить всех ее дворцовых стражников и убить саму Королеву, не подвластную сонному заклятию. Только Плащ и позволил мне проникнуть в Светлый Храм, без него ангелы-убийцы засекли и уничтожили бы меня еще на подходе.

В храм невозможно телепортнуться, его магия сбивает все известные системы координат, и тебя просто пронесит мимо, выбрасывая где-то в стороне.

Ладно, но теперь я здесь и готов закончить дело. В огромном зале, полном переливчатого света, гулко звучат шаги Верховного Жреца. Он неторопливо приближается к круглому камню алтаря. Из дыры в его центре, куда Верховный должен погрузить набалдашник Светозара, бьет столб света. Густой, плотный поток волшебного сияния кажется еще одной колонной, подпирающей высокий свод. Алтарь стоит внутри пентаграммы из горящих белых свечей. Жрец опустит на камень ладонь — и древняя магия алтаря напитает посох своей силой, превратив его в одно из самых мощных магических оружий Февра.

Верховный Жрец готовился к этому ритуалу долгие годы. И теперь час настал... но только не его час, а того умного предприимчивого парня, который сейчас висит над ним, крепко сжимая Кинжал Тьмы.

Вот он сделал еще один шаг — и я черным нетопырем упал на него.

Перевернувшись в полете, занес Кинжал, то есть деревянную рукоять, в расщепленный конец которой вставлен небольшой черный камень. Угловатый, невзрачный, ничем не примечательный с виду. Такие можно найти лишь на дне Проклятого озера, что расположено глубоко в пустынных горах севера. Вода там темная, как тушь. Известно, что озеро высасывает души тех, кто осмелится войти в него. Камень для меня добывал орк-ныряльщик — зомби, душу которого я предварительно заключил в магический кристалл.

Оказалось, что вода в озере к тому же едкая, как кислота, и когда мой орк вылез с камнем в лапах, он и правда напоминал зомби в последней стадии разложения. Зеленое мясо пластами сползало с костей, а кожа смахивала на влажную мешковину. А он не замечал этого, шагал ко мне, протягивая камень гниющей рукой... Тупой орк! В общем,

камень, напитанный мощью Проклятого озера, достался мне. Инициированный особым ритуалом и закрепленный в деревянной рукояти, он и стал основой Кинжала Тьмы.

Выступающее из камня лезвие, похожее на черный полумесяц, всасывало свет и краски, вокруг него висело бледное пятно обесцвеченного пространства. Полоска мрака напоминала трещину, ведущую в недра черной дыры.

В последний момент Верховный ощутил приближение враждебной магии и вскинул голову. Доброе, исполненное благодати лицо исказилось гримасой ужаса, злобы, а когда он понял, что ничто не способно его спасти и сейчас он умрет, не закончив дела своей жизни, — мгновенного разочарования.

Жрец попытался ткнуть в меня посохом, но не успел. Оставляя за собой широкую полосу мрака, Кинжал прорубил его горло. Голова откинулась назад, из раны ударил поток радужного сияния. Посох отлетел в сторону. Сгруппировавшись, я покатился следом, вскочил. Верховный еще падал, а я уже подхватил Светозар.

Зал дрогнул, с далекого потолка, под которым я только что висел, посыпались пыль и мелкие камешки. Вдалеке тревожно забили колокола — храм ощутил гибель своего хозяина.

Вот так — пошла потеха! Дело сделано ровно наполовину, пора его закончить. Я прыгнул к Жрецу. Тело его, упав на спину, начало бледнеть. О чем думает человек, управляющий настолько крутым персонажем? Сейчас он ощущает сильную боль в шее, но это ничто в сравнении с невероятным разочарованием, которое он наверняка чувствует, внезапно убитый за несколько секунд до триумфа, что должен был увенчать многолетние напряженные усилия.

Наплевать. Я просто работаю.

Тело Жреца исчезало. Ну нет, погоди-ка! Ударом Кинжала отрубая его правую кисть, хватаю и прыгаю к алтарю.

Далеко позади, за ведущей в зал массивной дверью, бьют крылья, хлопки сопровождает нежный мелодичный звон.

Когда, сжимая посох под мышкой, я пересек пентаграмму, белые свечи ярко вспыхнули. На миг каждую свечу и Кинжал Тьмы в моей руке соединил тонкий зигзаг золотой молнии. Полоска мрака затрепетала, съежилась и пропала — светлая магия пентаграммы победила чары зловещего артефакта со дна Проклятого озера. Отбросив ставшую ненужной рукоять, я перехватил Светозар.

Отрубленная кисть почти исчезла, но все же в ней осталась толика материальности, когда я с размаху припечатал ее к алтарю.

И одновременно опустил набалдашник посоха в отверстие в центре круглого камня.

Храм опять содрогнулся, белые свечи налились сиянием и растеклись лужами пузырящегося воска. Посох в руке раскалился, но я не выпустил его, преодолевая боль.

Массивная дверь на другом конце зала взорвалась. Выставив вперед длинный радужный меч, в зал торпедой влетел ангел-убийца — ослепительно-белый, будто из мрамора, глаза на прекрасном лице сверкали огнем. Ну, здравствуй, браток, тебя-то мы и ждали! Клинок света мог мгновенно убить меня, но не менее смертоносными были огромные, сильные крылья ангела, покрытые тысячами острейших лезвий, нежно звенящих при каждом взмахе.

Когда я вытащил набалдашник посоха из алтаря, золотой круг на конце Светозара превратился в маленькое солнце и разбрасывал вокруг сияющие искры. Ангел несся ко мне, крылья били воздух, звенели лезвия. Клинок Света смотрел мне в грудь. За первым ангелом в зал влетели еще двое храмовых стражей.

Кровожадно оскалившись, я достал из-за пазухи небольшой пергамент и сломал сургучную печать.

В Храм Светлой Мессы невозможно перенестись — тебе ни за что не настроить конечные координаты. Но никто не говорил, что нельзя перенестись из Храма.

Пергамент в руке истлел, осыпавшись трухой, и передо мной в воздухе возник темный пузырь. Ангел закричал, увидев его, прекрасное лицо исказила злоба, он замахнулся и метнул клинок света.

Поздно, я уже шагнул в портал.

Перенос — дело не мгновенное, но быстрое. Несколько секунд темноты, потеря ориентации... и я стою посреди своей комнаты на втором этаже трактира «Дикий вепрь». Темный пузырь за спиной идет рябью и гаснет. Моргаю, тру глаза, сглатываю — как обычно, заложило уши. Светозар теплый, но не горячий. Чуть угасшее солнце-набалдашник по-прежнему искрит, по посоху от него пробегают ветвистые молнии, статика покалывает ладонь.

За окном щебечут птицы, доносятся редкие голоса — по окраинной улице, где стоит этот дешевый грязный трактир, люди ходят нечасто. Из-за малолюдности мы с Умником и выбрали его.

Развязываю шнурок и сдергиваю с плеч Незримый Плащ. Обычную ткань посох быстро прожжет, но не эту. Набрасываю Плащ, аккуратно заворачиваю посох. Когда излучающий магию набалдашник скрывается под непроницаемо-черной тканью, в комнате темнеет.

«Что у тебя?» — тихо звучит в голове голос Умника.

«Все нормально, — передаю ему. — А тут как?»

«Мы в зале, я уже лишних двадцать минут развлекаю их. Они нервничают».

«Иду. Светлые отследят координаты финишного портала, из трактира валим быстро. Когда появлюсь — никаких разговоров, они смотрят товар, платят, отваливают».

«Я уже предупредил их».

«А сейчас напомни еще раз. Все, спускаюсь».

В зале трактирщик, девка-разносчица да за столом в углу пара гномов и высокий кудрявый красавец с рельефными мышцами. Умник всегда выбирает подобную внешность, компенсируя свои реальные данные.

Подхожу к столу, сажусь и, ни слова не говоря, наклоняю завернутый посох так, чтобы конец его почти лег одному из покупателей на колени. Гномы бородаты, морщинисты и похожи друг на друга, только у одного волосы совсем черные, а у другого с нитями седины.

Они переглядываются, младший собирается что-то сказать, но седой, качнув головой, быстро отворачивает край Плаща — и жмурится, когда из-под ткани бьет луч света. Несколько мгновений они смотрят как зачарованные, по грубым лицам гуляют золотистые отблески, в глазах пляшут желтые зайчики. Младший закусывает губу, седой не шевелится.

Потом он возвращает Плащ и кивает мне.

Спустя две минуты гномы свалили, прихватив сверток с посохом. А мы с Умником стали богаче на сорок миллионов золотых феврских крон.

— Как прошло в храме? — спросил он вслух.

— Нормально. — Я поднялся из-за стола. — Всё, выходим из игры. Светлые вот-вот будут здесь.

— Погоди, хочу кое-что показать.

Он направился к окну, поманив меня за собой.

Трактирщик с разносчицей не обращали на нас внимания. Мы встали с двух сторон от проема, и Умник сказал:

— Выгляни. Осторожно.

По другую сторону мощеной улицы тянулась сточная канава, дальше росли кусты, за ними были развалюхи городской бедноты. Возле канавы стояла запряженная парой лошадей карета. Мне показалось, что черная занавеска в ее окне слабо шевельнулась.

— Появилась почти сразу после того, как пришли покупатели, — пояснил Умник. — Стоит неподвижно все это время.

— Думаешь, это они?

— Сто процентов, Бур. Пасут тебя.... Про меня-то не знают.

— А про меня знают все, — заключил я. — Но мы ведь тоже очень многое знаем про них, ведь так?

Есть старый фильм из времен до Большой Виртуальности. В нем показано противостояние умного, упорного полицейского и ловкого, хитрого вора, грабителя банков. По сюжету в одной из сцен эти двое встречаются в придорожном ресторанчике, пьют кофе и разговаривают. Они враги, но интересны друг другу. Во время разговора полицейский спрашивает у вора: «Тебе никогда не хотелось нормальной жизни?» — «Это что за херня? — говорит вор. — Пикники с семьей по уик-эндам, игра в мяч на лужайке под домом? Нет, такое не для меня».

Я хорошо его понимаю. Меня можно осудить за многое. Присваивать чужое — основное мое занятие. Я обманывал и грабил, иногда убивал, хотя еще ни разу — в реале. Так я живу. А что еще делать: закончить институт, устроиться на работу получше, жениться, взять в ипотеку квартиру, прикупить машину, завести ребенка-двух, делать карьеру, прогибаться перед начальством и нагибать подчиненных? Проводить выходные с семьей, жарить шашлыки на лужайке, ходить на футбол, трахать секретаршу? Это для вас — не для меня. Я устроил свою жизнь иначе, и мне наплевать, если то, что я делаю, причиняет кому-то боль.

Ну, почти наплевать.

* * *

15 ноября 2007 года. Подросток арестован за кражу виртуальной собственности.

Арестованный семнадцатилетний молодой человек обвиняется в краже виртуальной мебели, принадлежащей другим пользователям сайта HabboHotel, совмещающего функции социальной сети и игровой вселенной...

По материалам портала «Компьюлента»

* * *

Россиянин арестован за кражу персонажа из онлайн-игры.

10 августа 2009 года полиция арестовала 20-летнего жителя Волгодонска, обвиняемого в краже у другого россиянина виртуального персонажа из популярной сетевой ролевой игры Lineage-2. Обвиняемому грозит до двух лет лишения свободы.

«Ньюс-ру»

* * *

Задержан за вирт-мошенничество.

Необычный случай в Англии произошел зимой 2010 года: местная полиция задержала и арестовала молодого человека за кражу виртуальных предметов в онлайн-игре

Runescape. Разработчик игры утверждает, что арест является первым в партии подобных мероприятий, направленных на борьбу с игровым мошенничеством... Арест пользователя за кражу виртуальной собственности не кажется таким уж невероятным событием, поскольку речь идет о реальных деньгах, и порой немалых. По данным экспертов, оборот торговли виртуальными товарами достигает уже одного миллиарда долларов США в год и развивается устойчивыми темпами, ежегодно увеличиваясь на 10–15 %...

По материалам сайта «Киберсекьюрити-ру»

* * *

АВП (Агентство по Борьбе с Виртуальными Преступлениями) было создано в связи с окончательным объединением «реальной» и «виртуальной» частей планетарной экономики и переводом значительной части финансовых операций и сделок непосредственно в вирт-миры. Как крупнейший партнер международного Виртпола в славянском секторе, АВП получило самые широкие полномочия. И особенно влияние этой организации усилилось после введения ряда законов об уголовной ответственности за финансовые вирт-аферы и другие преступления в онлайн-мирах.

ВИКИ, раздел «Новое Время», 202X г.

Глава 1

«Бур, вали с хаты! К тебе едут люди из АВП!»

Я оторопело уставился на экран смартфона, треньканье которого и разбудило меня. Опера Агентства по Виртуальным Преступлениям едут сюда? Прямо сейчас?!

Вскочив, принялся одеваться, не попал ногой в штанину, запутался и спиной повалился обратно на кровать. Черт, черт, черт! Наконец сумел натянуть джинсы, накинул рубашку, схватил телефон и поспешил в прихожую. Как всегда, сразу после пробуждения — в глазах муть, в желудке пусто, жрать охота... Сунулся на кухню, чтобы хотя бы выпить минералки из холодильника, но услышал шум двигателя и выглянул в окно. Темно-синий микроавтобус подкатил к подъезду. Он еще не успел остановиться, как сдвинулись двери и наружу пружинисто выскочили четверо парней в темных костюмах.

Всё — они здесь. В прихожей я натянул кеды прямо на босые ноги, вернулся в комнату и вдавил потайную сенсорную кнопку, спрятанную под рельефным пластиковым обвесом на боку вирт-капсулы. Пшшшш! Запахло паленым, затрещало. В течение минуты перепрошитая электронная начинка будет выжжена, что убьет мой незаконный софт для взломов.

Прощай, съемная квартира! Я выскочил наружу, подхватив стоящую у порога сумку с документами и деньгами. Захлопнув дверь, в два шага оказался возле лестницы, глянул вниз. Седьмой этаж девятиэтажки... Эхо донесло звук шагов — поднимаются. Ву-у-у — поехал лифт.

Что они сейчас сделают? Двое пойдут (уже идут!) пешком, двое — на лифте, выйдут на девятом, лифт заблокируют и спустятся по лестнице. Окружают, типа. Ну, давайте немного поиграем, парни... Что, если сбежать на несколько этажей, спрятаться возле мусоропровода и, когда нижняя парочка пройдет мимо, — по-тихому рвануть вниз?

Ага, а у подъезда еще как минимум водила дежурит, а скорее — двое их там. Не идиоты же они, и такие захваты наверняка десятки раз проводили.

Лифт, успевший остановиться на первом этаже, уже ехал вверх. И я побежал на девятый.

Некоторое время назад, решив, что моя работа способствует не столько здоровью, сколько геморрою, я стал заниматься тайцзи-цигун. Но не записался в группу, а поговорил со знакомыми, поднял связи — и нашел в городе хорошего учителя, мастера. У него обучался больше года, пока он не свалил обратно в свой Китай. С тех пор делал гимнастику не реже раза в день, причем по хорошей погоде — на крыше, там живописнее и приятнее. Выставил бутылку жэковскому монтеру Васе, и тот дал мне сделать дубликаты ключей от технического этажа и крыши.

Ключ из сумки я выудил уже на ходу. Перекинув через голову ремешок, открыл решетку — и дальше, по ступеням из арматурных прутьев... Вот и вторая дверь.

С гудением на девятом этаже разъехались створки лифта. Совсем рядом прозвучали шаги, тихий голос что-то спросил, другой ответил, шаги стали удаляться — спускаются на седьмой.

Я скользнул в дверной проем, не забыв вытащить из замка ключ, и по мягкому от жары битуму направился к надстройке над лестницей соседнего подъезда.

Всего их в доме три, мой — средний. Теоретически, мой ключ мог подойти к другой двери. Или она просто не заперта — случается ведь такое.

Не подошел. И она была заперта. Швырнув смартфон под жестяной козырек вентиляционного отверстия, я побежал обратно — к последнему подъезду. Чтобы к нему попасть, надо было миновать тот, из которого выскочил на крышу. Сделать это, конечно, уже не удалось: дверь раскрылась, выпуская парня в темном костюме. С пистолетом.

Молодой, прилизанный. Он направил на меня оружие и звонким голосом выкрикнул:
— Стоять!

Я тут же остановился. Одно дело — рисковать в виртуальности, другое — когда в реале на тебя наставляют боевой ствол. Только дураки выеживаются под прицелом.

На крыше появился второй опер — постарше и без ствола, вернее, оружие было в кобуре под расстегнутым пиджаком. Оценив обстановку, он хлопнул молодого по плечу. Достал из кармана наручники и сказал:

— Бур, побегал? Теперь иди сюда.

* * *

Открылась дверь, и в комнату вошел мужчина лет сорока пяти, в строгом костюме, но без галстука, с планшетником в руках. Комната была классическая, сто раз подобные видел в голливудских фильмах, когда американские силовики или полицейские допрашивают кого-то. Стол, стул, одна стена наполовину зеркальная. Дверь. К столу прикручен карабин, через который пропущена цепочка моих наручников.

Я куковал здесь уже минут сорок. Даже воды не дали, сволочи.

У вошедшего на лацкане не было бирки с Ф.И.О. и званием, но я решил — полковник, не меньше. Отодвинув стул, он сел, положил планшетник, на глянцевом экране которого виделось мое фото и текст. Повернулся к стене с зеркалом и кивнул.

Клац! — карабин раскрылся, и я смог поднять руки над столом.

— Буров Владислав Иванович... — начал он, переведя взгляд с меня на планшетник.

— Дайте попить, — перебил я.

Он прищурился. Я пояснил:

— Подняли в такую рань, позавтракать не дали...

Полковник отдернул рукав пиджака, посмотрел на часы и вскинул бровь.

— Половина первого. А за тобой пришли в одиннадцать двадцать.

— Так я лег в начале пятого.

— Угу, — кивнул он. — Резал Верховного Жреца в Февре.

Ну, ясно, чья то была карета. Кто бы сомневался...

— Меня зовут Степан Григорьевич, — представился он и коротко махнул рукой. Почти сразу дверь раскрылась, в комнату заглянула симпатичная девушка.

— Вера, принеси воды.

Под аккомпанемент моих гулких глотков Степан Григорьевич продолжал:

— Итак — Буров Владислав Иванович. В определенных кругах известен как Бур. Недоучившийся студент факультета вычислительной математики и кибернетики. Отец умер, мать уже восемь лет живет с новым мужем в Австралии. Связь с сыном не поддерживает.

Степан Григорьевич подался вперед, навалился локтями на стол и заговорил чуть громче:

— За последние пять лет вышеназванным Буром зарегистрированы и прокачаны девять аккаунтов в пяти играх и трех вирт-мирах, имеющих статус глобальных. Темный паладин-убийца, маг стали и крови, кобольд-диверсант в Мире Февра. Сборщик артефактов в Survariume. Разведчик-ассасин в Аномальных землях. Еще — Дева Смерти в Ариэли, стихийный шаман, воздушная фея, варвар-Киммериец... Черт, хор-роший послужной список! — Он даже потрянул головой, выражая одобрение. — Когда только время находишь, Бур? Все персонажи входят в местные топы, варвар — двухсот десятого уровня! Лучший боец на парных мечах... Сколько работы, а? Хотя есть объяснение: спишь пять часов в сутки, по заключению нашего психолога — гиперактивность, от природы повышенный тонус, и это без всякой наркоты. Пассионарий, бывает. Но нет привязанностей, постоянных друзей, настоящих друзей. Почти выпал из реала, всю жизнь проводишь в виртуальности. Нет хобби, нет увлечений... Ну вот разве что тайцзи. Отсутствие совести, других сдерживающих моральных факторов. По сути, ты монстр, Бур. Социопат-одиночка. Скажешь, нет?

Я пожал плечами, и он продолжал:

— Хорошо, не будем о морали. Итак, специализация в вирте: сложные долгоиграющие операции с короткой, четко выстроенной финальной акцией. То есть: устроиться в клан, прокачаться, сделать карьеру... и обчистить работодателя. Или вот это: бурный роман с дочерью Властителя Дома Боли, одного из ведущих кланов Мира Февра, выведывание у бедной обманутой девушки шифра от сейфа и как результат — знаменитые кровавые самоцветы на аукционе в Столичном городе уходят за семьдесят миллионов феврских крон, что в переводе на евро означает... Сколько?

— Бедная девушка? — вскинулся я. — Да они там в своем Доме Боли устраивают пытки неписей и игроков, у них подвал с дыбами и... А вы мне тут про социопата и моральные факторы втираете.

— Сколько? — Он глядел мне прямо в глаза.

Я решил соглашаться на все, сейчас просто не было смысла играть в молчанку. В моих же интересах было все это побыстрее закончить.

— Где-то за двести тысяч евро самоцветы толкнул, — проворчал я. — Кажется.

— Кажется?

— Да уж столько времени прошло...

— Хм. — Степан Григорьевич откинулся на стуле. — Вообще-то, по нашим данным, ровно за четверть миллиона. Это была самая крупная твоя афера, Буров, но не самая громкая. А вот когда темные маги Сферы сумели приземлить главный мир-диск своих врагов гвилонцев, и в считанные дни сферо-армия снесла с лица диска все его города...

Вот же, и про это в курсе! А ведь я был абсолютно уверен, что о моей связи с той операцией не знает никто. Даже Умник не в курсе, я до знакомства с ним в Сфере работал. Принесла операция жалких двадцать семь тысяч, и это при восьми тысячах расходов и усиленного полугодового кача наездника на грифонах... Но я тогда сумел выкрасть заклинание для отключения главного двигателя летающего мира, передать темным сферамагам и вовремя смыться! Я гордился тем делом — ведь это было феерично, когда исполинский мир-диск рушился на еще более исполинскую Сферу, вспарывая нижние слои атмосферы, стесывая горы и утюжа леса... Эх!

— А в чем обвинение-то? — спросил я. — Что, Большой Брат пришел в вирт, там теперь уже и повеселиться нельзя?

— В наше время Большой Брат везде, Буров. А веселиться можно по-разному. Существует статья о несанкционированном вмешательстве в глобальный ход вирт-событий с использованием запрещенных программных технологий... Знаю, знаю, не работает статья, по ней еще ни разу никого не сажали. Вот с тебя и начнем. Да и кража денег из Стального Хранилища — не игрушки. Воровство из официальной админской мини-локации с использованием кодов, выкраденных в реале... Ну и несколько других дел сумеем навесить. Кровавые самоцветы — тоже.

— Кровавые самоцветы — просто игровой элемент! Вы что, уже и за пэкашничество теперь судить будете? За читерство?

— Скоро будем, — ласково улыбнулся он. — А за читерство в крупных масштабах — уже и сейчас... Не понимаешь ты, Буров. Государство пришло в вирт. Крупные корпорации. Большой бизнес. А вместе с ними в вирт пришел закон.

— Произвол, а не закон.

Он пожал плечами.

— Ты слышал, Буров, что силами Виртпола в прошлом месяце был расформирован воровской клан Креаторов в мире Готики? Штаб-квартира их в Озерном городе захвачена и передана муниципалитету, офис в реале — взят дивизионом Виртпола, все документы изъяты, верхушка клана арестована, часть рядовых игроков — тоже. Слишком уж зарвались креаторы, похитили крупную игровую собственность корпорации ДатКом, содержащей в Озерном городе загоны нипов-рабов.

— Креаторы ведь всего лишь играли, — перебил я. — Отыгрывали роли воров. И они рабов освободили — смертников, которых даткомовцы скармливали червям-прядильщикам.

— Заметь, Буров: рабов-неписей, не живых людей. Находящихся в собственности ДатКома, являющихся частью их бизнеса, приносящих реальную прибыль.

— Я от одного серьезного программиста слышал, что у игровых ИскИнов последнего поколения существует обратная связь в виде эмоций. По крайней мере, близкий ее аналог. И подобие боли они могут ощущать. И те слои Искусственных Интеллектов, что отвечали за нипов-рабов, могли вполне реально мучиться, когда черви растворяли их подопечных своим ядом. Вы же игровых ИскИнов против себя настраиваете, когда такой беспредел творите.

— Про эмоции — да, похоже на то, что наш сотрудник Игорь Волошин говорит, — согласился он. — Но это все теория. А практика такова: игра — серьезное дело. Вирт — важный аспект общемировой жизни. И экономики. Теперь, когда количество регулярных пользователей виртуала превысило полтора миллиарда... Короче говоря, Буров, в вирте живут толпы тихих простых обывателей.

— Которые хотят простой тихой жизни?

— Вот именно...

— Ну там повоевать, — продолжал я, — порезать друг друга иногда, свою звериную природу проявить, чего в реале сделать невозможно без наказания. Инстинкты на Аренах или в данжеонах потешить. Мобов повырезать, мирных неписей в каком-нибудь поселке зачистить под корень... Не без этого, да? И за такое почему-то никто не карает. Ведь людям надо слить агрессию, выпустить пар — после этого в реале ими легче управлять.

— Вот видишь, ты и сам все понимаешь. А еще в цифровых мирах обыватели держат свои средства. Легко конвертируемые в реал и обратно. Крупный бизнес там эти средства зарабатывает. И больше никто не позволит аферистам вроде тебя беспредельничать. Поэтому действия ДатКома — не произвол, а бизнес. Действия Виртпола по нейтрализации креаторов — не произвол, а работа по наведению порядка. А махинации твои и подобных тебе отщепенцев — преступления. За которые будут следовать наказания. Потому что не вы, а мы решаем, что является беспределом, а что нет. Не вы, а мы устанавливаем законы. Мы назначаем границы дозволенного.

— То есть превращаете вирт в реал, — заключил я. — В такую же унылую дыру, какой стала половина планеты, только графика поярче и можно мочить нипов.

— Да нет, просто в новый рынок. Хотя называй как хочешь. Главное вот что: теперь таким, как ты, одиноким искателям свободы, нарушающим законы, которые мы с таким трудом вводим в вирт, места там нет! — Он даже повысил голос, продекламировав мне это, и громко припечатал ладонью по столешнице.

Я хмыкнул.

— То-то мне с каждым месяцем все больше хочется из этого мира сбежать. Куда-нибудь... сильно подальше. И навсегда.

— Отмазаться не надейся, мы тебя засудим. Тем более ты заказывал кражу информации, кодов от сейфа, у хакера из реала. А это — отдельная статья. «Неправомерный доступ к компьютерной информации» называется, появилась в УК много лет назад. Плюс теперь есть «Неправомерный доступ к скрытым характеристикам виртмира». Кстати, не назовешь имя хакера?

Степан Григорьевич движением пальца сменил картинку на планшете, глянул на нее, постучал ногтем по экрану.

— Не он ли предупредил тебя утром? От смартфона ты избавился, но, сам понимаешь, мы же легко получаем любую инфу от сотовой компании. Вот только СМС к тебе поступила прямо из вирта — невозможно вычислить отправителя.

— Не он это. Да и какая разница? — Я попытался махнуть рукой, забыв про наручники, и громко брякнул ими. — Вы не найдете этого человека, а я его не сдам. Забудьте, он не при делах и не важен.

Некоторое время собеседник глядел на меня, постукивая пальцем по планшетнику, а потом вдруг улыбнулся.

— Тебя разрабатывал целый отдел. И я — начальник этого отдела, поэтому сейчас минута моего триумфа. Позволь уж мне немного насладиться... Кстати, моя самая любимая из твоих операций — взятие Закрытого города. Когда ты в роли варвара поступил в услужение охранником к караванщику, племяннику Тайного Властителя, больше года странствовал с караваном по Киммерии, прокачался до невообразимых высот, вложив пятнадцать тысяч реальных евро, практически в одиночку зарубил рогатого дракона, заполучил в петы огненного пустынного демоненка и, по сути, возглавил охрану каравана. И потом, когда тебя вместе с караванщиком наконец впустили в Закрытый город, на прием к самому Тайному Властителю... Ё-моё, ты сбросил его в Огненную Бездну! Которую прямо посреди тронного зала открыл по твоему приказу демоненок. Перебил охрану дворца и

включил портал, впустив в Закрытый город орду самаркандцев, ожидающую своего часа неподалеку. Красота. Мы в отделе ставки делали.

Я помимо воли улыбнулся, вспоминая те деньки. Жаркое солнце Киммерии, мосластые, накачанные по самое «не могу» варвары (и я — самый накачанный, здоровый, как три быка), грудастые киммерийские бабы, кривые самаркандские клинки, сторожевые башни между скал, лязг мечей и ржание песчаных скакунов... Отвязное было дело, не такое громкое, как в Сфере, но рискованное и захватывающее. Принесло сто тысяч евро от самаркандского хана плюс на полтинник лута.

— Но к делу, — вернул меня к действительности голос Степана Григорьевича. — За три года ты заработал около полутора миллионов евро. Вирт-недвижимость: особняк на Золотой улице в главном мире Сферы, два магазина в Любече в Аномальных землях, небольшой действующий рудник в Вальдире, где постоянно трудится наемная бригада гоблинов, в реале — трехкомнатная в Москве, сдается в аренду, и домик на Кипре... где ты ни разу не был. И на хрена он тебе? Ты его даже не сдаешь.

Я прикрыл глаза. Всё знают. И ведь это даже не ФСБ — АВП. У них прямой контакт с международным Виртполом. А значит, они могут выйти на администрации вирт-миров и через выписанные Виртполом ордера конфисковать всю мою недвижимость в онлайн... Почему «могут» — наверняка уже это сделали. Еще через Интерпол пробили конфискацию кипрской недвижки, квартиры в Москве — вообще легкое дело...

— Слушаю ваше предложение, — сказал я.

Степан Григорьевич поднял бровь:

— Предложение?

— И мобы понятно, что вы собираетесь что-то предложить. — Я скупой улыбнулся ему. — Хочешь сажать — сажай, не говори. А вы тут беседы со мной беседуете.

Он покачал головой.

— Буров, ты не романтик. Я хорошо тебя изучил. Адреналинщик, в своем роде — экстремал, любитель приключений — да. Но не романтик. Наоборот: деловой человек. Почти что бизнесмен. Но без всякого прикрытия в реальности. Нет у тебя ни больших друзей, ни влиятельных деловых партнеров. А дело против тебя железное. Ордера от виртполовцев уже есть, покажу. Недвижка твоя вся под контролем. Суд... ну, через месяц. Продлится не больше двух месяцев. Получишь знаешь сколько? Доказать экономические вирт-преступления в особо крупных масштабах мы можем стопроцентно.

— Тогда восемь, — сказал я.

— Восемь? Ты к себе добр! Десятку, хотя скорее — двенадцать, если обоснуем, что твои действия привели к серьезным психическим травмам пострадавших. А обосновать сможем: девчонка из Дома Боли в психушку попала, так ее папаша зачморил после того, как из-за ее длинного языка ты лишил его кровавых самоцветов.

— Но денег моих вы не получите.

— Ты про те семьсот тысяч евро, которые у тебя в оффшоре на Каймановых островах? Отчего же, может, и получим. Хотя простого способа изъять эти незаконно нажитые средства у нас нет. Годы понадобятся, чтобы с оффшорным банком сладить. А бриллианты, которые в том же банке в ячейке лежат, изъять будет еще труднее. Но сейчас я о другом, Буров. Не помогут тебе эти деньги. Возможно, ты понимаешь, а может, и нет, что попадешь не в вирт-тюрьму вроде Вальдирских рудников, а в реальную ИТК, где протянешь недолго. Потому что во время суда о твоих делишках узнают все те, кого ты кидал. Вернее, про делишки-то они и так знают, но теперь будут знать, что за человек стоял за теми аферами. Тот же Дом Боли... ты ведь в курсе, кому он принадлежит, какой структуре? И чем эти люди

занимаются в реале? Как думаешь, сколько на зоне после этого проживешь? Я лично даю не больше пары недель.

— Это все лирика, вы к делу давайте.

— Да нет, проза это, а не лирика, суровая проза жизни. Конец тебе, Буров, уясни это хорошенько. Хотя срок твой можно скостить до пяти лет — минимум, от которого никуда. Но ГДЕ тебе светят эти пять лет — очень отдельный вопрос. И решение этого вопроса действительно будет следующим шагом нашей беседы.

Я открыл было рот, но он еще не закончил:

— Но только я тебя прошу, Буров, не начинай гарантии требовать. Мы здесь в серьезном заведении, а не на базаре у казахов траву покупаем. Ты делаешь определенные шаги, мы делаем определенные шаги... В этом динамика процесса.

Я повнимательнее пригляделся к Степану Григорьевичу. А необычная у него манера обращения с подозреваемым. Почти что и не ломает, не давит, так, с шуточками все, с улыбочками. Вроде такой не злой мужик, вежливый, даже обходительный. Но в глазах его сталь. Чувствуется: полковник привык нагибать. И, нагнув, не привык отпускать. И вежлив он лишь до поры до времени. И только потому, что все козыри у него в руках. Да что там козыри — вся колода! Держит клиента за жопу и прекрасно знает это.

Потом Степан Григорьевич показал мне ордера. Я не поленился очень внимательно изучить запамятые в особый неуничтожимый полимер бумаги, из которых следовало, что все мое вирт-имущество под арестом. «Авэпэшники» не забыли даже про крошечную гостиничку на пустынном тракте в одном из бесчисленных лесов Февра, мою первую покупку в вирте.

Затем меня перевели в комнату с рядом сидений, где на стене висел белый экран. Уже знакомая девушка, Верочка или как там ее... принесла бутерброды с чашкой кофе. У кресла, в которое я сел, был откидной столик. Я успел съесть три бутерброда и захотеть еще, когда появился Степан Григорьевич, а с ним серьезный худосочный паренек в очках. Полковник уселся в кресло рядом, а очкастый парень — на другой стороне зала. Откинул столик, положил на него черную пластиковую коробочку и нажал на кнопку.

В комнате потемнело. На экране возник пейзаж.

Он был неотличим от реального, так сказать, физического пейзажа... если бы краски не были более густыми, яркими, красивыми, переливчатыми.

Луг до горизонта. На горизонте серая полоса гор. Высокое синее небо. Невдалеке стоит горбатое животное, смахивающее на буйвола, с закрученными спиралью толстыми рогами и длинной шерстью.

Тихий щелчок — кадр меняется — теперь на экране водопад. Он огромен. Две высокие скалы, словно остроконечные башни, и между ними низвергается поток бирюзовой воды. Скалы соединяет каменная арка, тонкая и ажурная, явно искусственная. Вроде бы по ней движется крошечная фигурка — толком не разобрать.

Щелчок — новый кадр — граница дремучего леса. Деревья с узловатыми ветвями и пышными кронами. Между деревьями — глубокий мшистый сумрак, навевающий мысли про леших, кикимор и прочих виев.

— А зачем... — начал я, но полковник поднял руку, требуя тишины.

Кадр дрогнул — изображение сдвинулось, стало ясно, что это начало ролика. Камера поплыла вперед, причем рывками. Э... камера? А может, запись глазами перса? Тот приближался к деревьям, в глубине между ними мерцали призрачные огоньки. Перс вступил в лес, и картинка потемнела. Когда он вошел немного глубже, два огонька вдруг

рывком надвинулись. На миг мелькнуло что-то... страшное лицо или звериная морда, пасть, глаза — черт его разберет, слишком быстро, — и тут же экран стал черным.

Щелчок — возник следующий кадр: уже знакомый луг, теперь без буйвола. В высоком синем небе с легкими облаками висит каменный шар.

На снимке трудно было понять размеры, но, кажется, огромный шар парил в километре-двух над землей. В нем зияли темные провалы, камень изгибался толстыми завитками, пласты его уходили вглубь этого странного объекта и выныривали наружу — будто клубок с сотами-ячейками.

Последний кадр уже не менялся, так и остался на экране.

Я молчал, предоставляя полковнику самому вести разговор.

— Это виртмир, — сказал он, не поворачивая головы.

Я пробормотал:

— И мобу понятно.

— М-да... А какой?

Пришлось пожать плечами.

— Не знаю. Не смог узнать.

— Но ведь ты во многих побывал.

— Почти во всех, а может, и во всех. Ну, в значимых.

Степан Григорьевич встал, заложив руки за спину, прошелся передо мной. Парень в очках молчал. Полковник остановился сбоку от экрана и спросил:

— Что можешь сказать о нем? Как профи.

Я еще раз взгляделся в скрин, почесал бровь.

— Крутая графа. Уровень детализации потрясный. Дизайн... красивый. Чуть-чуть странноватый, но без хардкора. И классный. Дизайнера по стилю просечь не могу. В принципе, работа итальянцев, Джоретто Джуро, создавшего Мир Февра, легко узнается. Американцы в Киммерии особо не напрягались с красотами, а вот наши с болгарами и немцами Сферу сделали очень узнаваемо, но там понятно — всем Виктор Антонов рулил... Но это и не Антонова работа, его стиль влет узнаешь. И не азиаты, они друг на друга похожи и узнаваемы. Короче — не знаю.

— Никто не знает, — сказал очкастый.

Я повернулся к нему:

— Ты о чем?

Полковник кивнул очкастому. Тот потер ладони и заговорил:

— Неизвестно, что это за мир. Его никто не создавал, во всяком случае легально. Неизвестны корпорации или частные лица, владеющие им. Неизвестно, на каких серверах он стоит. Ничего неизвестно, нет никаких концов. Он просто... возник.

— Что за чушь? — удивился я. — Это невозможно.

— Еще полгода назад я тоже так считал.

— Нет, стоп! Что значит «возник»? Как возник, откуда вы про него узнали?

— Появился портал. В Февре, на краю Столичного города. В портал вошли несколько игроков и не вышли. По городу поползли слухи, всполошились админы — они не создавали портал в новый вирт-мир! — Очкастый немного повысил голос, пытаясь передать изумление админов (которое я хорошо себе представлял). — Позвали ученых, стали изучать, отправили в портал несколько телеботов, то есть мобильных модулей с обратной связью. Сам портал локализовали, чтобы никто посторонний не имел доступа. Вокруг него даже построен дом. Спешно разработали и внедрили игровую легенду, объясняющую его появление. С тех пор ничего сделать с порталом не удастся. Он просто висит там.

— Дайте догадаюсь — и позже порталы стали возникать в других местах Февра?

— Если бы только Февра! — вздохнул полковник. — Их уже пять. Два в Февре — кстати, один из них в лесу не так далеко от твоей гостиницы, — еще один в Сфере, еще... Неважно. Главное, что пока силами Виртпола и местных администраций их вовремя удавалось локализовывать, закрывать от посторонних. Но какое-то количество обычных игроков успело проникнуть туда. Ползут слухи. Все это началось около шести месяцев назад.

— «Туда», — повторил я и ткнул пальцем в экран, — то есть вон туда?

Степан Григорьевич кивнул очкастому, и тот снова заговорил:

— Этот мир называется Мегалон. И еще мы называем его X-Мир. Попавшего в него человека встречает системное окно с приветствием. Затем...

— Стоп, а на каком языке?

— Неизвестно.

— Ну как это? — Я перевел взгляд с него на Степана Григорьевича, и полковник кивнул ассистенту.

— Неизвестно, — твердо повторил тот. — Картинки, которые вы видели, вытащены прямым сканированием из сознаний некоторых наших... скажем, исследователей Мегалона. Но когда удавалось «заснять» окна — на них были незнакомые символы. Совершенно фантастические. Да и сами окна... Потом я покажу. Такое впечатление, что в сознаниях попавших в Мегалон пользователей происходит лингвистическая перестройка. В результате все они там говорят на одном языке, назовем его мегалонским. И все могут читать надписи на мегалонском. Из порталов игроки возникают вдоль условной полосы, которую мы назвали Пограничье. От нее можно идти только в одну сторону. Мир населен, хотя в близкой к Пограничью области негусто. Но еще до Пограничья игроки попадают в Пещеры. Там происходит первичный выбор расы и прохождение ряда тестов, которые задают будущий вектор развития игрока. Пока наши сведения очень скудны. Очень, — повторил после паузы и снова потер ладони.

— Фух... Так, хорошо, а квесты? Игра выдает их?

— Квестов в привычном понимании нет. По крайней мере, мы пока что поняли ситуацию так. Появление игроков в различных точках мира включает так называемые игровые события. Причем они не стандартные для всех, а зависят от игрока, его класса, манеры игры...

— Интересно, хотя подобное уже есть. А что насчет выхода из Мегалона?

— Выход возможен только в районе Пограничья. Дальше соответствующая функция не работает. Чтобы выйти — надо вернуться к желтым скалам, в которых можно найти магические врата. Вступаешь в них — и возвращаешься.

— А смерть? Что происходит с погибшими?

Он поднял указательный палец:

— Вот тут мы переходим к самому интересному. Они респяты... непонятно где. И непонятно в каких аватарах. На Пограничье не возникают. Тела в капсулах впадают в кому. Считывание информации из сознания становится невозможным, однако биоритмы примерно схожи с теми, которые обычно сопровождают пребывание человека в вирт-мире. Фиксируется движение зрачков, фоновая моторика, активность мышц. Такое впечатление, что точка или точки респа находятся где-то дальше, в глубине X-Мира, но где именно и в какой роли там оказываются пользователи, мы не знаем. Я могу еще много рассказывать, но... — Очкастый вопросительно поглядел на Степана Григорьевича.

— Пока что хватит, — решил тот. — Вижу по лицу — Бурову и это еще предстоит обдумывать.

— Да уж... — протянул я. — Умеете огорошить. Хорошо, я еще позадаю много вопросов, но сейчас у меня один: при чем тут я?

— А ты не понял? — Полковник повернулся ко мне, сложив руки на груди и покачиваясь с каблучков на носки и обратно.

— Совершенно ничего не понял, — сказал я.

— Все ты понял. Ты слишком умный, чтоб не понять. И я не дурак, поэтому не будем играть друг с другом. Нам нужны свои люди в Мегалоне. Толковые и с большим опытом полевой вирт-работы. Умеющие действовать в кризисных ситуациях, инициативные, психически гибкие... Что значит — способные не оглядываться на стандартные моральные нормы. Короче, не тупые и бесчестные. Но лояльные. Лояльность обеспечит твоё тело в нашей вирт-капсуле. Ситуация беспрецедентная: мы имеем непонятно откуда взявшийся глобальный виртмир, который все больше проявляется в других мирах. И мы понятия не имеем, что это значит, чем грозит и к чему вообще может привести. Некоторые организации, как частные, так и государственные, уже активно внедряют в этот мир своих агентов, пытаются подготовить плацдармы. Нам необходимы шпионы, агенты влияния... как хочешь называй. Ты, Бур, будешь одним из них.

На лице его была уверенность: все произойдет именно так, как он и сказал. Все просчитано, схвачено и учтено, клиент никуда не рыпнется, он под полным контролем и будет служить верой и правдой. Короче говоря, на лице начальника ООРа — Отдела Оперативных Разработок — полковника Степана Григорьевича Кареглаза (он мне свою фамилию не называл и вряд ли бы обрадовался, узнав, что она известна мне давным-давно) был триумф.

Мое лицо, в отличие от его, ничего не выражало. Хотя душа радостно трепыхалась и пела. Нет, не пела — скорее сдержанно так напевала, мурлыкала себе под нос. Не привык я громко выражать свои чувства. А повод был: пролог сложнейшей операции завершился успехом. Пусть полковник Кареглаз считает себя акулой, беспощадным хищником, зажавшим в пасти испуганную рыбку. На самом-то деле рыбка — он, а я... нет, не акула — скорее рыбак, сидящий на берегу с удочкой в руках. А товарищ полковник — пучеглазый карась, которого я только что подсек. Да так нежно и ненавязчиво, что он и сам не понял, что уже на крючке.

И провернул я все не без помощи худосочного парня в очках, которого звали Игорь Волошин. Того самого, что этим утром сбросил мне СМС на смартфон, предупреждая о скором визите оперативников и о том, что нужно выжечь данные из капсулы (по необходимости я до последнего момента юзал ее и не мог заранее потерять инфу, не предназначенную для АВП). А еще — разыграть перед операми небольшую сценку из серии «а-ну-ка-догони-ка».

Завершив свою речь, полковник отвернулся и шагнул к двери. А мы с Умником обменялись короткими взглядами и направились за ним.

Операция «Внедрение в X-Мир» вступила в основную фазу.

Глава 2

Звук шагов разбудил меня.

Я сел, свесив ноги с кровати. В комнате больше ничего не было, просто конура три на четыре с койкой, мягкими стенами и двумя дверями. Одна, запертая, ведет в коридор,

другая — в кабинку с душем и унитазом. Такой интеллигентный вариант тюремной камеры, спрятанной где-то на подземных этажах бункера АВП.

Снаружи кто-то пробежал. Потом снова — в другую сторону. Донесся женский голос, в ответ мужской гаркнул раздраженно... Ба, да это наш полковник!

Я стал натягивать кеды и закончил, когда дверь со щелчком раскрылась. В коридоре нетерпеливо переминался с ноги на ногу Кареглаз, рядом маячили двое оперов.

— Ну, что у вас стряслось? — спросил я, выпрямляясь.

— Выходи, Буров.

Лицо у него было озабоченное, нервное. Острый контраст с тем вальяжным человеком, которого я наблюдал вчера...

Он кивнул операм:

— Ведите в пересылочную, передайте Волошину. Контролировать. Скоро будут.

И ушел куда-то. Один опер — тот самый, молодой да резвый, который на крыше махал стволом, — ткнул меня в спину, показывая направление.

Авэпэшники направились следом. Впереди коридор вливался в другой, там несколько раз в обоих направлениях быстро прошли люди. Мы свернули, и вскоре молодой опер приказал:

— Лицом к стене!

— Ну, ты зверь, прям конвоир на зоне, — хмыкнул я, выполняя приказ.

— Молчать!

— Степа, усхни уже, — проворчал второй сонно. — Утомил своей резвостью.

Молодой толкнул большую овальную дверь в конце коридора, заглянул и позвал:

— Волошин!

— Входи, Буров, — добавил второй.

В центре большого гулкого зала было круглое возвышение-помост на металлических стойках, там за компьютерами сидели Игорь Волошин и еще двое в белых халатах. Электронные часы на стене показывали начало шестого утра.

Когда Волошин подошел к нам, опер сказал:

— Полковник хочет, чтоб задержанного подготовили к немедленной пересылке.

Игорь скользнул по мне равнодушным взглядом:

— Вон там медицинское кресло. Сядьте в него.

Кресло стояло возле помоста — громоздкое, с кучей всяких девайсов. Шагая к нему, я разглядывал зал. Пересылочная, да? В стене слева были закрытые решетками ниши, где виднелись высокие прозрачные цилиндры. В одном цилиндре кто-то активно шевелился — кажется, человек, но он так извивался и дергался, что больше напоминал огромную раненую сороконожку или жука.

Нас могли слышать техники у компьютеров или оставшиеся у дверей опера (молодой пристально наблюдал за каждым моим действием), и я спросил нейтрально:

— Как тебя... Волошин? Что у вас стряслось?

— Снимите одежду, — попросил он. — Всю. Положите на этот столик и сядьте.

— Зачем?

— Делай что тебе говорят! — прикрикнул молодой от двери.

Я стал неторопливо раздеваться. Волошин пояснил:

— Кресло считает ваши показания. Это может сделать и капсула, но кресло более функционально, лучше потом загрузить в капсулу данные с него.

Покосившись на ближайшую нишу с цилиндром, я сел. Кресло было глубоким и мягким.

Игорь, приставляя к моим вискам две металлические тарелки на кронштейнах, склонился ниже и едва слышно шепнул:

— У меня все готово. Поговорим в буфере. — Он коснулся пальцем своей скулы и добавил: — Дентафон.

Выпрямившись, произнес громче:

— Постарайтесь не шевелиться.

После этого Волошин воткнул в вену на моей руке иглу, от которой прозрачная трубка уходила в подлокотник. Кресло загудело. Трубка наполнилась красным, зажужжали прижатые к вискам тарелки.

В помещение вошел полковник, широкими шагами приблизился к нам.

— Мне нужно несколько минут, — сказал Волошин в ответ на его вопросительный взгляд. — Потом можем загружать его.

В кресле что-то чавкнуло, прожужжало и стихло. Отведя в стороны кронштейны с тарелками и вытащив катетер, Игорь прижал к ранке проспиртованную ватку, затем отошел к помосту с компьютерами. Кареглаз смотрел на меня. Я щелчком сбил ватку на пол и спросил:

— Что происходит?

— Мы отправляем тебя в X-Мир прямо сейчас.

— Почему вдруг?

— Так надо.

— Да идите вы на хер, — сказал я, оскалившись. — Сверните свое «так надо» в трубочку и засуньте себе...

Должно быть, у них там и правда происходило нечто из ряда вон, потому что лицо его исказилось, он подался ко мне, упершись руками в подлокотники, навис и прошипел:

— Ты сделаешь что тебе скажут!

— А как же суд?

— Никакого суда не будет. Я закрываю дело. Мы тебя не взяли. Ты исчез для всех, точка.

— А для меня что это означает?

— Что ближайшие годы ты проведешь в X-Мире, выполняя наши задания.

— Ближайшие годы — то есть пять лет?

Он помедлил.

— Да.

— А через пять лет?..

— Тебя выпустят. К тому времени все забудется, до тебя никому не будет дела.

Врет полковник. Они собираются сделать меня своим пожизненным рабом-шпионом... либо, если надобность отпадет, убить. Отключить жизнеобеспечение капсулы несложно.

— И ты рассказывал мне о беспределе, полковник? — спросил я. — Может, теперь еще расскажешь что-нибудь о похищении людей, шантаже и принуждении?

Раздалось пиканье, Кареглаз выпрямился, поднес руку к уху — пленочный телефон, должно быть, былшит ему прямо в ладонь — и забормотал:

— Что? Нет, нам нужно еще... Держитесь там! Я приказываю: продержаться еще двадцать минут! Не сдавать терем! Да, мы уже начинаем. Волошин! — прокричал он в сторону помоста.

Тот сидел за компьютером, перебрасываясь быстрыми репликами с техниками. Не поднимая головы, показал рукой влево. Одна из решетчатых перегородок, закрывающих ниши в стене, поползла вбок.

— Буров, туда иди, — велел полковник.

Подойдя к нише, я заглянул в нее и сказал:

— Круто. Впервые такие капсулы вижу.

— У нас все готово. — Волошин поспешил к нам.

— Заходи в нее, — приказал полковник. — Мы отправляем тебя в «Гей, славяне!» — оттуда попадешь в X-Мир. Там у тебя будет четкая цель.

Даже те дорогие капсулы, к которым я привык за последнее время, были, по сути, всего лишь койками-гробами. Навороченными, напичканными всякой электроникой, но — просто люльками для взрослых. Лег, закрылся, подключился... Сейчас же я видел перед собой нечто другое. И хотя Умник описывал мне капсулы нового поколения, которые использует АВП, я счел за нужное не обманывать ожидание полковника и показать удивление.

— В ней что, вертикально стоять надо? Ага, вижу, не стоять — висеть... Охренеть — аппарат.

— Эксклюзивная модель, — пояснил подошедший Волошин, когда стенка цилиндра поползла вбок, открывая проход внутрь. — В продаже таких нет.

Я пробормотал:

— Да уж понятно. И стоит, наверное, как ракета.

— Внутри накачивается питательный гель. Он конвертирует отходы организма, омолаживает кожу, имеет другие полезные свойства. Питание внутривенно. Видите эту подпругу? Вам надо встать вот здесь.... Так, повернитесь. Теперь не шевелитесь и не мешайте.

Внутри капсулы были провода, силиконовые трубки, свисающие на гуттаперчевых ремешках чешки, большие мягкие перчатки с металлическими фрагментами в «пальцах», кабели... много чего там было. Волошин с подошедшим техником стали сноровисто вдевать меня во все это. Полковник наблюдал за нами. Наконец заговорил:

— От Пограничья ты должен идти в место под названием Зап, это возле горы. Зап... нечто вроде города.

— В мегалонском варианте, — добавил Волошин.

— Связь с тобой будет непостоянная, — продолжал Кареглаз. — Волошин, объясни.

— Через капсулу мы будем посылать модулированные сигналы в ваш слуховой центр. А в зрительном центре будет сформирован образ виртуальной клавиатуры с обратной связью. Мысленно нажимая клавиши, сможете посылать ответные сообщения. По неизвестным причинам в некоторых областях X-Мира подобная связь не работает. Также это происходит, когда аватар находится под Сардом.

— Сард — это та каменная луна? Вы же ничего мне не успели толком объяснить.

В разговор снова вступил полковник:

— Тебе вообще лучше не попадать под Сард. Когда он зависает вверху, иногда аватары просто исчезают, а тела в капсулах впадают в кому.

— Может, он забирает к себе их, гм, души?

Волошин продолжал:

— Мы будем наблюдать за происходящим, считывая информацию с вашего зрительного центра.

И опять его прервал Кареглаз:

— Есть данные, что в Запе действует чья-то разведка. Агенты влияния, пытающиеся подчинить город и весь регион. Наш собственный агент в Запе, многого успевший добиться, недавно был убит. Ушел на респ, связь с ним прервалась, тело в коме. Ты

отправишься в Зап и расследуешь, что произошло. Агент имел игровой ник Хитрый Гримли. В идеале — займешь его место и подчинишь нам Зап.

Прежде, чем на лицо надели маску, от которой к потолку капсулы шла гофрированная трубка, я спросил:

— И здесь мне предстоит провести пять лет?

— Постоянно, — ответил Волошин вместо полковника.

— Да я растением стану. Мышцы в кашу превратятся.

— В этой капсуле — нет. В ней тело двигается, повторяя движения аватара в вирте. В усеченном виде, конечно, но вместе с дополнительной стимуляцией это обеспечивает возможность длительного пребывания. По сути, в такой капсуле можно находиться всю жизнь.

«Вот только какой длины будет эта жизнь?» — хотел спросить я, но маска уже закрыла рот. Я висел в ремнях подпруги, как марионетка, которую кукловод приподнял над сценой. Или как муха в паутине. Хотя ощущения дискомфорта не было. Воздух свободно проходил через гофрированную трубку, сквозь широкие тусклые окуляры я видел людей, стоящих возле ниши. Стенка капсулы поползла обратно, закрыв проем.

Загудело, захлюпало, и сверху мимо лица протянулся толстый слизистый сгусток. Он вытягивался, подрагивая и пузырясь. Конец сгустка достиг пола капсулы и растекся густой лужей. Появились новые сталактиты, все больше, уровень слизи стал быстро расти, достиг моих ступней в чешках... Теперь целый лес прозрачных сгустков окружал меня. Температура геля была в точности как у тела, я ощущал легкое пощипывание по мере того, как он поднимался все выше.

Гель достиг лица, несколько секунд я видел зеленовато-радужную поверхность на высоте глаз, а потом он накрыл меня с головой. Стало очень тихо и глухо, как в мешке, набитом ватой. Пощипывание прекратилось. Резко потемнело — хотя я вроде бы не закрывал глаз, — и тут же исчезло ощущение собственного тела. Его просто не стало, я повис в темноте и тишине... Миг — и вокруг возникла комната. То есть кабинет: большой стол красного дерева, шкафы с книгами, кожаные корешки, благородное золотое тиснение... Тяжелая портьера закрывает окно, на подставке в углу — массивный подсвечник, в котором оплывают слезами воска высокие свечи. На столе шахматная доска, на ней черные и белые фигурки: хоббиты, гномы, эльфы, орки с гоблинами.

Синтезированный голос в голове произнес:

— Это Умник. Можешь отвечать мысленно, но нужно отчетливо проговаривать слова про себя.

Помедлив, я беззвучно сказал:

— Где я?

— В буферной зоне капсулы. Сменить оболочку буфера? Сейчас включен «Кабинет Толкиена». Я сделал семь картинок...

Комнату, озаренную мягким светом свечей, сменил зал, одна стена которого была полностью прозрачной. Сквозь нее открывался вид на заснеженные пики. В зале стояла современная дизайнерская мебель — сплошные изогнутые поверхности и ножки, ни одного прямого угла. На стене в рамке висела фотография лыжника.

— Это «Утро в горах», могу включить еще «Райский Сад» или...

— Прекрати! — перебил я. — Мне наплевать на твои оболочки. Где ты сейчас?

— Сажу за компьютером и настраиваю обратный сигнал, чтобы АВП могло коммутировать с тобой.

— Нашу связь не засекут?

— Я не говорю, как и ты. Артикулирую, почти не двигая челюстью. Дентафон преобразовывает колебания гортани в электрические импульсы и через капсулу передает в слуховой центр твоего мозга. Дальше информация снимается с речевого центра и идет на мой слуховой имплант.

— Сколько у нас времени?

— Десять-двенадцать минут. В игре связи поначалу не будет, но позже я налажу ее.

— Почему так срочно началась операция? Я рассчитывал еще на неделю, и вдруг эта СМС! Хорошо, что они считают, будто мои деньги до сих пор в каймановом офшоре.

— У них при очень странных обстоятельствах исчез агент, Хитрый Гримли, из-за чего полковник решил действовать немедленно.

— А этой ночью что произошло?

— Еще один кризис: кто-то пытается отбить их портал в «Гей, славянах!».

— Их портал?

Умник намеренно не ассоциировал себя с АВП. Он был фанатиком почище меня, но я посвятил себя практическим исследованиям границ и возможностей виртмиров, он же являлся теоретиком. Маньяком вирта, хакером и анархистом под личиной очкастого интелея; он ненавидел АВП, Виртпол, любые силовые структуры, их попытки поставить Вирт под тотальный контроль. При этом Умник не был, насколько я знал, членом какой-либо подпольной организации хакеров-антиглобалистов. Нет, как и я — слегка безумный одиночка со страстью к запретному, к тайнам и секретам. Мы сотрудничали уже два года. И эту операцию готовили с тех пор, как узнали про Мегалон и поняли, что хотим во что бы то ни стало проникнуть в него. Умник добывал инфу благодаря своей службе в АВП, и то, что он рассказывал про X-Мир, мне очень нравилось. Это была зона свободы посреди империи контроля и порядка, которую воздвигали на планете спецслужбы, бюрократия и большой бизнес. Потом Умник сообщил, что АВП вышло на меня и взяло в разработку. Рано или поздно они бы меня схватили, и не было смысла уезжать из страны, прятаться за границей... В двадцать первом веке мир уменьшился, а глобальные спутниковые сети, системы слежки и наблюдения — разрослись. Корпорации, силовики и чиновники превратились в дракона, трехглавого монстра, подмявшего всю планету. Где прятаться? В джунглях Борнео, в каком-нибудь захудалом африканском поселке? И не выходить в Сеть? Для меня такая жизнь — хуже смерти.

Вскоре после того, как стало ясно, что рано или поздно меня схватят, Умник узнал про идею, возникшую в светлой голове полковника Кареглаза — использовать меня в качестве агента. Агента-раба, абсолютно послушного, ведь тело мое будет под их полным контролем. Казалось, выхода нет. Что делать, если дракон загнал тебя, безоружного и бессильного, в угол и уже разинул пасть, собираясь сожрать?

Только самому прыгнуть к нему в глотку — и выскочить через задний проход.

Этим самым «задним проходом» стала возможность симитировать мою смерть в Мегалоне. Умник такой умник... Он нашел способ сгенерировать цепочку сигналов от сознания к телу, которая обманула бы приборы Агентства. На такой случай у них была четкая инструкция: впавшее в кому тело держали в той же капсуле, продолжая мониторить данные, еще двенадцать дней. Затем, если никаких изменений не происходило, его перемещали, не отключая от вирта, в мобильную капсулу попроче. А ту перевозили в клинику АВП — «на сохранение».

— Так что это за портал в «Гей, славянах»? — переспросил я.

Он начал издали:

— Недавно Виртпол выпустил Особый Меморандум про объединение усилий в Мегалоне. Вроде все подписались: ЦРУ, ФСБ, АВП, Моссад... все конторы, у которых есть свои вирт-отделы. Но на практике каждый тянет в свою сторону. В Мегалоне уже активно действуют агенты нескольких спецслужб. Исходя из Меморандума, все х-порталы поставлены на учет и контролируются объединенной службой, куда входят представители основных силовых структур. Но на деле Меморандум — просто попытка Виртпола подчинить х-порталы себе. При этом каждая контора пытается заполучить «свой» портал, чтобы тайно юзать его, отправлять в Мегалон агентов, про которых не узнает Виртпол или кто-то еще. Недавно новый х-портал возник в «Гей, славянах!», прямо на одной из лесных застав Китежградского княжества. АВП сразу взяло портал под контроль, никому про него не сообщив. До этой ночи предполагалось, что про него никто не знает.

— Но ночью на заставу напали?

— Атака идет прямо сейчас. Большая ватага лесовиков, в их распоряжении бригада раскоченных кикимор и даже вий. Полковник уверен, что это акция вирт-отдела ЦРУ, хотя доказательств нет. Они уже почти ворвались на заставу. На помощь защитникам идет дружина из Китежграда, но они не успевают. Если портал будет захвачен — Агентству могут предъявить обвинение в нарушении Особого Меморандума. Либо многое потребуют за молчание. Теперь они хотят переправить тебя в Мегалон до того, как... Секунду.

Раздался шум, дентафон донес неразборчивые голоса. Дождавшись, когда они стихнут, я спросил:

— У АВП что, своих людей не нашлось? Одно дело — просто привлечь внештатника с дурной репутацией для экспедиции в Мегалон, другое — сразу поручить ему расследование пропажи агента.

— У них сейчас трудная ситуация. Трое агентов плотно завязаны на крупную операцию, связанную с китайским бот-миром в Сфере, еще целая бригада сидит под глубоким прикрытием в Киммерии. А в Запе кто-то целенаправленно работает против Агентства. Они уверены, что исчезновение Гримли — не игровая случайность, но акция конкурентов. К тому же полковник считает, что ты полностью под контролем.

— Но это не так, правильно? Успокой меня.

— Осталось три минуты до погружения. Бур, мы уже много раз говорили...

— Не ты рискуешь своей жизнью! — повысил голос я.

— Я тоже рискую. Думаешь, они оставят меня в живых, если узнают, что я работаю с тобой? Слушай внимательно, не перебивай. Как только очутишься в Мегалоне, я сдержу обещание и выведу тебя из-под контроля АВП. Программным способом создам цепочку сигналов, которая симитирует твою смерть. Якобы в Мегалоне ты сразу погиб. И одновременно отрежу поток информации от твоего зрительного центра. Тебе останется игнорировать любые послания от Кареглаза. Вроде ты больше не воспринимаешь их. Они решат, что ты ушел на респ в неизвестную локацию, и станут дожидаться, чтобы от тебя снова пошли сигналы.

— В конце концов, решив, что от меня больше нет пользы, они могут отключить тело в капсуле, — повторил я свой старый довод.

— Бур, я гарантирую: этого не будет. Они всегда четко придерживаются инструкций. Двенадцать дней в коме — и тебя повезут в ведомственную клинику. У них давно разработана процедура транспортировки тела без отключения, с использованием модуля спутникового интернета.

— Как будто их больница не охраняется, — проворчал я, споря больше по инерции, ведь теперь это не имело смысла.

— Конечно, охраняется, но далеко не так тщательно, как бункер. Из больницы мы тебя выкрадем... — Он запнулся.

— Мы? — уточнил я после паузы. — Кто это «мы»?

Умник помолчал.

— У меня тут... найдутся помощники. О них позже.

— Говори сейчас! Не люблю непоняток.

— Расскажу потом, — твердо ответил он. — Тебе еще предстоит узнать кое о чем очень важном.

Если бы у меня сейчас было лицо — я бы нахмурился, но лицевые мышцы просто не ощущались. Впервые с момента нашего знакомства Умник дал повод усомниться в своей откровенности. Неужели я ошибся и он не такой уж одиночка? Какое вообще Игорь Волошин имеет отношение к Мегалону, о чем он не рассказывал мне?

Я собрался задать ему вопрос в лоб, но он быстро заговорил:

— Всё, я загружаю данные в зрительный центр. Отключаю оболочку буфера, чтобы сигналы не наложились.

Зал с видом на горы исчез, наступила непроглядная темнота. Слева замерцало, и во мраке проступила клавиатура. Мигнула, наливаясь светом.

— Сколько всего вы напихали в мою голову?

— Это не опасно, — заверил Умник. — Каждый такой модуль — просто небольшой клубок новых связей, вставленный в твой мозг. Клавиатура будет появляться всякий раз, когда с тобой попытаются связываться. Пока что сворачиваю... — Клавиатура исчезла, и тогда я заметил далеко впереди светящуюся точку. Единственный проблеск света в океане мрака. Возникло ощущение полета — я двигался к ней.

— Мы выводим тебя из буфера. Молчи, чтобы я успел сказать самое важное. В-первых: Переход.

— Он невозможен, — перебил я.

— Ты не прав! — горячо возразил он, тема Перехода была его личным пунктиком. — Это возможно. Если проникнуть на Сард. Да, не удивляйся! Достоверно установлено, что два человека, попавшие туда, все еще живут в Мегалоне. Их видели там. И при этом их тела в капсулах умерли — окончательно, они отключены. О Сарде до сих пор нет никакой информации. Второе: полковник не сказал тебе всей правды про Хитрого Гримли. С его телом что-то происходит. Оно-то как раз не умерло, находится в капсуле... но такое впечатление, будто через обратную связь от сознания в X-Мире в тело идет нечто, влияющее на него. Оно одревенело, в нем начались странные изменения. Иногда происходят всплески активности. Похоже на то, что в вирт-мире Хитрый Гримли испытывает сильную боль. Бур, последнее! Мы мало что знаем про Мегалон, но если в этот мир не вложены миллионы часов человекотеста, в нем могут быть баги и дыры. Недокументированные особенности, возникшие сами собой. Действуй нестандартно, рви шаблоны. В последний момент неожиданно меняй решения. В X-Мире эта тактика может дать интересный результат... Всё, пошел обратный отчет.

Точка выросла до размеров пятна и все увеличивалась.

— Значит, мне нужно проникнуть на Сард, и тогда я смогу целиком перейти в вирт? — недоверчиво спросил я. — Оцифроваться?

— Если ты действительно хочешь этого. Запомни: когда я симитирую цепочку «смертных» сигналов, будут неприятные ощущения. Они быстро пройдут. После обязательно игнорируй сообщения из Агентства... — голос стих.

Пятно света стало белым окном, где сновали тени. Я стремительно приближался к нему. Окно надвинулось, за ним что-то горело, донесся треск и крики... На огромной скорости я влетел в свет.

* * *

«Гей, славяне!», довольно крупный, хотя и не входящий в первую пятерку виртмир, создавался на деньги олигарха Стерлингова, большого поклонника всего исконно русского. Предполагалось, что проект некоммерческий, к нему даже не подключали мультязычный ИскИн класса «Полиглот» из тех, что в других мирах переводит с одного планетарного языка на другой. «Славяне», по мысли Стерлингова, должны были способствовать развитию патриотизма и знания отечественной истории. Это не помешало самому олигарху стать Великим Князем Киевским, владеть бесчисленными крепостными и заниматься периодическими набегами на земли печенегов и прочих нерусских, вырезая подчас целые города. В «Славянах», насчитывающих несколько миллионов регулярных пользователей, почти не было иностранцев.

Вспышка света — и я материализовался на земляной площадке возле колодезного сруба посреди большого двора. Вокруг стояли бревенчатые постройки, неподалеку высился трехэтажный терем, и все это квадратом окружали стены с башенками по углам. Две горели, между ними зиял пролом. Сквозь него во двор входил Вий — косматый двухметровый старик в набедренной повязке, смахивающий на гориллу, весь поросший черной шерстью, и с огромными слипшимися веками. Его окружали вооруженные лесовики в одежде из шкур.

Меня, судя по всему, сунули в высокоуровневого перса: тяжелая кольчуга до колен, яркие шаровары, сапоги, в руке копье, на голове шлем. Рядом у колодца присели три добрых молодца, одетых победнее, но тоже в кольчугах. У двоих были луки, они выдергивали стрелы из колчанов за спинами, привстав, стреляли в атакующих и снова прятались.

Третий дружинник, с коротким мечом, при виде меня крикнул:

— Ну ё, наконец-то!!! Данила, Егорушка — ходу!

В этот момент из-за терема показались несколько защитников во главе с богатырем на здоровенном коне. Выставив перед собой необычно длинное копье, он тяжело несся на Вия, следом мчались, подняв мечи, пешие.

Со стороны нападающих донеслись крики. Вий заворчал, разворачиваясь, его огромные веки поднялись, разлепляясь, с них закапала слезь. Темные глаза полыхнули огнем, и конник взорвался облаком крови. Вроде в него ракетой угодили... Он исчез вместе с конем в дымно-красной вспышке, а бегущих вокруг дружинников разбросало по сторонам. Некоторые вскочили, но те, что были ближе к эпицентру, на ноги так и не поднялись. Тела их начали бледнеть, исчезая. Вий шел дальше, мерно переставляя корявые ноги. Лесовики бежали к терему, из окон которого стреляли лучники.

— Бегом! — Дружинник с мечом подтолкнул меня, остальные двое уже мчались в обход постройки.

— Где портал? — крикнул я.

— В амбаре, внизу! Да не тупи ты, за мной!

Когда лучники скрылись за углом, оттуда донесся вскрик. Мечник ахнул, рванулся, опередив меня.

Обежав терем, я увидел зеленокожую уродливую девицу, всю в бородавках, с волосами-водорослями до пят. Только Кикиморы тут не хватало! Двое лучников застыли,

парализованные, над их головами кружились зеленые спиральки. Кикимора двигала костлявыми руками, кастуя заклинание.

— Твою мать! — взревел дружинник, бросаясь к ней.

Под ладонями Кикиморы вспыхнул ядовито-зеленый шар, рванулся вперед и ударил одного лучника в грудь. Он мгновенно позеленел и столбом повалился на землю, начав исчезать еще в полете. Второй ядовитый шар ударил другого лучника, и Кикимора, злобно бормоча, обернулась к мечнику. Он запрыгал вокруг, нанося удары, сбивая ее каст. Кикимора поворачивалась, стараясь все время оставаться лицом к нему — наверное, при ударе сбоку или со спины урон от меча заметно возрастал.

Выставив перед собой копье, я бросился к ней. В последний миг Кикимора, почуяв неладное, повернулась — и наконечник копья угодил ей в горло у подбородка, пробил насквозь. Над Кикиморой в воздухе вспухло стилизованное изображение зеленого взрыва, в котором мелькнула надпись:

КРИТ!

Она упала. Передо мной возникло оформленное в условно древнерусском стиле, с пышными узорами, окно:

*По добру бьешь, славный витязь Метаслав!
Получи пять очей в прибыток за удар славный!
Получи уровень богатырский семидесят третий!
Распредели же нонче очи характеристик, не медли.*

Я отмахнулся от окна, и оно свернулось, исчезнув из вида. Дружинник уже тянул меня дальше:

— Туда давай!

За теремом был амбар — земляная насыпь с приоткрытой дверью. Спутник приостановился, пропуская меня. Раздался звонкий стук, я развернулся в дверном проеме. Дружинник качнулся вперед и припал ко мне, запрокинув голову, из спины между лопаток торчало необычно толстое древко. Что это, арбалетный болт?

— Вниз! — хрипнул он. — Дверь запри и вниз, там сразу... Просто ныряй в него...

Последние слова я едва расслышал, хотя тело в моих руках не становилось прозрачным — оно чернело, на глазах обугливаясь. Я попятился в проем. Дружинник покрылся огненными трещинами, глаза стали как два угля, из разинутого рта полился жар, и через миг тело, пыхнув роем алых искр, пеплом осыпалось на траву.

Из-за терема показался лесовик-шаман на черном коне, облаченный в медвежью шкуру (что она медвежья, было понятно по звериной голове, наброшенной как капюшон). Шаман взвел арбалет. Наконечник вложенного в него болта плевался шипучими черными искрами.

Я спиной отскочил в проем, закрыл дверь, сдвинул засов... Удар! Весь амбар содрогнулся. Арбалетный болт пробил дверь, наполовину войдя в нее, наконечник ткнул меня в живот. Я отпрянул. Больно! Кольчуга начала плавиться, дыра быстро ширилась, обнажилось тело — оно чернело, пятно гари расплзлось по нему.

*Осторожен будь, славный витязь Метаслав!
Ныне зараза поганая одолевает тебя!
Сей же миг противоядие прими, иначе сражен будешь смертью лютой!*

Я сбежал по крутой лестнице. Внизу горели торчащие из стены факелы. Прыгающий свет озарял длинное помещение с низким земляным потолком, откуда свисали корни. Было холодно, под стенами стояли кадушки, бадьи... У дальней стены висел х-портал.

Он был густо-синий. Впервые я видел такой — просто круглая синяя дыра, выпиленная в текстурах.

Ноги подгибались, черное пятно расползлось по животу и груди, огненные трещины рассекали кожу. Двигаясь из последних сил, я стащил с головы шлем, отшвырнул его. Уже начав падать, сделал последний шаг — и завалился головой в портал.

Вспышка.

Глава 3

Я стоял посреди пещеры с высоким сводом. Озарял ее ровный приглушенный свет, источником которого был висящий вверху сияющий шар — тихо потрескивающий световой сгусток... Его едва различимый звон лишь подчеркивал мертвую тишину.

Вот оно! Я здесь — в Мегалоне! Добился своего. Всегда своего добиваюсь. Хотя и с издержками в виде тела в капсуле АВП. Еще какая издержка, если задуматься. Главное теперь, чтобы Умник не подкачал. Он и его таинственные «друзья». Интересно, в АВП уже настроили связь, видят сейчас то, что вижу я, или нет? Как это проверить? Наверное, никак, пока со мной не заговорят, то есть пока чужой голос — скорее всего, Кареглаза — не зазвучит в голове.

Ладно, пора осмотреться.

Передо мной были двери. Массивные, из темного металла. Двенадцать дверей, и на каждой нарисована фигура. В разных виртмирах таких существ я повидал во множестве, почти все были знакомы.

Эльф. Гнолл. Орк. Тролль. Гоблин. Кобольд — без черт рептилии, скорее карлик типа домового. Фея — или, точнее, фей. Гном. Какое-то высокое, очень худое существо с длинными белыми волосами. Человек. Прямоходящий ящер с толстым хвостом. Так, а дальше... зверочеловек, да? У него была голова тигра. Тигроид, наверное.

Не надо сильно раскидывать мозгами, чтобы понять — это пещера выбора рас. Именно так в X-Мире решен соответствующий интерфейс. Хорошо, но где пояснения? Что дает каждая раса, какие бонусы, какие недостатки? Я прошелся перед дверями, приглядываясь к нарисованным на металле фигурам. Хорошенькое дело, вообще никакой инфы! Включай, типа, дорогой игрок, интуицию? Но интуиция — не мистическое чувство, она не на ровном месте возникает. Я слишком мало знаю про Мегалон, нет основы для интуитивных прозрений.

Шар света тихо потрескивал, в пещере ничего не менялось. Могу торчать тут до скончания века, надо принимать решение. Еще раз прошелся вдоль дверей, пристально разглядывая изображения существ, пытаюсь предугадать их возможности.

Ну хорошо, будем последовательны.

Кобольд и гнолл. Отмечаем сразу — не мое это. Никогда не интересовался отыгрыванием экзотических ролей.

Эльф. Близко, однако у этого, на двери, лицо не просто гордое, в изгибе тонких губ кроется презрение. Наверняка раса дает изрядный бонус к интеллекту, но... короче, не нравится он мне. Да и костюмчик на нем — с манжетами и кружевами, светское что-то. Всю жизнь не любил этику, светскость, всякие там коктейль-пати, господ в дорогих костюмах, фарфоровые чашечки, хрустальные бокалы на высоких ножках и прочее. Короче, эльфа тоже отмечаем.

Орк. Зеленое чувырло с рожей бывалого гопника и мышцами как у молодого Шварценеггера. Не годится. Равно как не люблю высшее общество — также не жалею и уличную шпану, гопников и прочих «пацанов». Раз уж других источников для интуиции нет, будем работать с картинками на дверях, и судя по этой, орк однозначно не подходит.

Троль. Носатый, морщинистый, несколько семитской наружности, скрюченный какой-то. Смахивает на ростовщика или тертого немолодого бизнесмена. Тоже, в общем, не мое. Бизнесмен — человек, который любит зарабатывать деньги больше, чем тратить их. А для меня деньги лишь материал для будущих операций, основа для приключений и афер. Не троль я, короче, хотя к таким парням чувствую большую приязнь, чем к тем же оркам.

Продолжаем. Гоблин. Мелкий, зеленый, кривоногий засранец. Почему-то напоминает работающего на немцев полицаая времен Великой Отечественной. Или надсмотрщика в гномьей тюрьме. Или чиновника-взяточника. Или жулика, проворачивающего всякие некрупные аферы. Или торговца из тех, которые подкручивают механизм весов, чтоб неправильно показывали, и разбавляют пиво. Я даже поморщился, разглядывая гоблина, потому что было в нем что-то от меня. Или во мне — от него. Словно уродливое напоминание о том, каким бы я мог стать, если бы был немного поглупее и чуть менее предприимчивым. Ну уж нет, у меня другая судьба!

Гном. Смуглый, поперек себя шире. Судя по картине на двери, настоящий мужик, суровый и упрямый. Над плечом торчит обух боевого топора, в руках кирка. Ясно, воин и работяга. Соль земли, рабочая ось мироздания. Кое-что в нем мне по нраву — упорство, некая быковатость, но в хорошем смысле, то есть умение идти напролом и до конца. Но есть и отрицательные черты, например, полное отсутствие чувства юмора, иронии, хорошо читающееся на тяжеловесном бородатом лице. Что-то от гнома я бы себе взял, но целиком становиться им не хочется.

Фей. Какой-то, пардон, педик с крылышками. Вроде более мелкого варианта эльфа, но без эльфийского шарма. Ну нет, уж лучше в орки, чем в феи.

Следующий экземпляр я не знал. В нем присутствовало нечто эльфийское, хотя он выше ростом, и уши обычные. Двухметровый верзила. Прямые белые волосы до плеч, худое длинное лицо, и глаза... ясные и холодные, даже ледяные. Умные. Интересный экземпляр, но не очень понятно, что сулит эта раса. Даже название неизвестно. Одежда — какая-то хламида, в руках короткий посох с набалдашником-снежинкой. Темная лошадка, стремно в такие записываться, а жаль — пока что самый занятный экземпляр.

Дальше был ящер, сжимающий в чешуйчатой лапе меч, явно крутой воин, но не более. На мой вкус, слишком простоватый. Честный боец: воюем и размножаемся.

Ну а потом на двух дверях были человек и тигроид. Человек — совершенно ничем не примечательный мужчина средней комплекции. Тигроид — тот же хомо сапиенс, только со звериной головой. Что это меняет? Снижает интеллект, увеличивает силу? Так или иначе, расхаживать с головой тигра мне не улыбается.

Остановился перед дверью с изображением человека. Обыкновенное, не запоминающееся лицо. Не могут же все, кто попадает в Мегалон и выбирает эту расу, быть одинаковыми. И как тогда выбирать персонажа? Допустим, виртмир считает

воспоминание о собственной внешности и использует его... Кстати, а как я сам-то сейчас выгляжу?

Я обомлел — осознал вдруг, что не выгляжу никак. У меня не было тела! Офигеть! Почему только сейчас это понял? И ведь не летаю по пещере — полное ощущение, что хожу. Но нет ни рук, ни ног, ничего... Наверное, получу тело, когда пройду сквозь одну из дверей?

Так что, получается, быть мне человеком? Оригинальный выбор, однако... Жаль вообще-то, беловолосый верзила меня заинтересовал. Да и гном неплохой, в целом, чувак.

Нет, все-таки — человек.

С этой мыслью я взялся за торчащую из двери железную ручку, и изображение человека на металле засияло. Потянул — дверь стала открываться. Позади громче затрещал шар света.

Бестелесной тенью я скользнул вперед.

БАММ! — где-то рядом зазвучал гонг. И тут я вспомнил совет Умника. Голос его отчетливо прозвучал в голове, как тогда, в буфере капсулы: «В этот мир не вложены миллионы часов человеко-теста, в нем могут быть баги и дыры. Недокументированные особенности, возникшие сами собой. Действуй нестандартно, рви шаблоны. В последний момент неожиданно меняй решения. В X-Мире эта тактика может дать интересный результат...»

Уже почти войдя в проем, я рывком подался назад, спиной толкая дверь, которая сама собой стала закрываться.

Пространство наполнилось тяжелым гулом и задрожало. Почему-то закружилась голова, начало тошнить. Пол качнулся под ногами. С трудом преодолев сопротивление двери, я вывалился обратно в пещеру. Дверь захлопнулась сама собой, силуэт человека на ней замерцал и погас.

А я приобрел тело... частично. Теперь были видны ноги, торс, руки — но будто отлитые из стекла, полупрозрачные.

Шар света мигал, полыхая искрами, гудел все громче. Пещера дрожала. Такое ощущение, будто надвигается камнепад. Может, никто раньше так не делал, никому ушлый хакер-айтишник не давал советы рвать шаблоны в последний момент? Гул нарастал — как бы меня тут не завалило. Я прыгнул к двери с беловолосым верзилой (его изображение вспыхнуло), схватившись за ручку, потянул — дверь поддалась с трудом, тяжелее, чем первая. Раскрыв ее, шагнул в проем и сразу подался назад.

Едва снова очутился в пещере, гул опять резко усилился. Во второй раз ударил незримый гонг. Шар света, клокоча и булькая, пульсировал как сумасшедший. Вся пещера вибрировала, со свода посыпались камни. Обнаружив, что тело обрело еще большую плотность и теперь будто отлито из матового стекла, я бросился к двери с гномом. Рванул ее. БАММ!!! — гонг оглушил. Вперед протянулась моя дрожащая тень, а сзади полыхнуло, будто там что-то взорвалось. Как бы вся игра вразнос не пошла! Изображение гнома вспыхнуло, ослепило. Зажмурившись, я обеими руками раскрыл дверь и нырнул в проем.

Вспышка. Тьма. Громкий хлопок. Тугой поток воздуха бьет в лицо. Тишина. Медленно разгорающийся свет...

Я стоял в коротком туннеле. Впереди был проем, сзади — сплошная каменная стена, на которой медленно угасал силуэт гнома. Вот очерчивающие его линии потухли совсем... Всё, сплошной камень, ничто не говорит о том, что я недавно отсюда появился.

Кстати, «я» — это кто? И что за лепесток возник слева внизу в поле зрения, похожий на закладку игрового меню? Мысленно потянул за него — с тихим шелестом

(прозвучавшим, как показалось, в моей голове, а не в окружающем пространстве) выдвинулся виртуальный прямоугольник с изображением. Сбоку от него были пустые слоты под одежду, оружие и предметы. Ага, так вот как я теперь выгляжу! Очень смуглый человек. Белые волосы. Смуглый блондин — ничего себе контраст. В толпе трудно будет затеряться, а жаль. На блондине были широкие штаны чуть ниже колен, с обтрепанным рваным низом и веревкой вместо пояса, легкие кожаные сандалии и жакет без пуговиц.

Фон и рамка нейтрально-серые. Рамка с незнакомыми значками вверху расширяется... а потом в мозгу будто что-то сдвинулось, и они обрели смысл. Во всяком случае, часть из них.

Имя: Бур. Раса: %;##&%\$?*

Вот это баг! Выходит, в Мегалоне нельзя создавать мультирасы? Или можно, но фича до конца не допилена? Или все тут допилено и доделано, мир гибкий и способен перестраиваться в зависимости от «рвущих шаблоны» действий отдельных игроков? Просто невозможно поменять мгновенно все аспекты, связанные с такими поступками, и концентрическая волна изменений как бы катится от них по виртуальному пространству, трансформируя его... Брр, ну и картина! Я потряс головой. Будем разбираться по мере поступления новой информации. Интересно еще и то, что игра удивительным образом выдала мне знакомый ник. Хотя я, возможно, предпочел бы назваться иначе.

Оглядел себя. На мне были точно такие же штаны с веревкой-поясом, сандалии, жакет. Мысленно потянулся к одежде в меню...

По очереди начали всплывать подсказки:

Рваные шаровары нищего. Класс: обычные. Прочность: 4/9. Внешний вид: -1. Защита: +1.

Грязный жакет бедняка. Класс: обычный. Прочность: 7/11. Внешний вид: +1. Защита: +2.

Стоптаные сандалии бродяги. Класс: обычные. Прочность: 5/11. Внешний вид: +1. Защита: +2.

Любопытно. А если... Я скинул жакет. Раз! — и он исчез с моего виртуального изображения, возникнув в одном из слотов сбоку. Надел жакет — из слота он переместился обратно.

В верхней части меню виднелись еще четыре закладки:

Магия.

Бой.

Ремесла.

Особые умения.

Мысленный клик на каждую открывал пустую страницу. Закрыв меню, я оглядел себя.

Руки-ноги — обычные, человеческие. Или гномьи? Да нет, он был шире в кости. А беловолосый тип — у?же. То есть они друг друга скомпенсировали? Хорошо, а рост... Трудно сказать, кажется, тоже средний. Беловолосый был каланчой, гном — понятно, мелкий. Ощупал лицо... нет, без зеркала не понять, какое оно. Ладно, потом увидим, что получилось.

Оттянул штаны на поясе, заглянул. Да ты мужик, Бур! Половая принадлежность не оставляет сомнений. Волосы в причинном месте, кстати, белые. Не такие светло-серебристые, как у верзилы, но гораздо светлее, чем по жизни у меня. Гном на двери щеголял кучерявой цыганской шевелюрой, черной как смоль. Опять взаимная компенсация? Кисти обычные, но у ногтей едва заметный янтарный отлив. На груди волосы не растут. И кожа смуглая. Эх, зеркало бы!

Пора двигаться дальше.

Пройдя каменный коридор, снова очутился в пещере, точной копии предыдущей. Только вместо дверей здесь были два портала в стене над полом, круговороты света и тьмы.

Это что значит? Подошел к ним поближе, хмурясь. Выбор между добром и злом? Типа, шагнешь в тьму — и ты темный, в свет — наоборот...

Я задумался, потирая подбородок (кстати, совсем без щетины, гладкий, как у младенца). Был соблазн сразу войти в Портал Тьмы. В конце концов, я не социальный работник, не сотрудник хосписа и не активист Армии Спасения. Ёлки, да я вор! Вор-аферист. Но... полная тьма? Как-то это чересчур. Ну, просто потому, что на планете есть куча занятий гораздо более темных, чем мое. Маньяк-педофил. Наемный убийца, подпольный торговец человеческими органами. Проповедник свидетелей Иеговы в аккуратном костюме с биркой на лацкане. Политик опять же. Ведь не стал я никем из них, а? Значит, не совсем уж пропащий.

К тому же, какое мое любимое время суток? Не ночь и не день, а сумерки. Вечер незадолго до наступления ночи или раннее-раннее утро. Время бледных теней, время, когда лучше всего думается. Я люблю тени. Так почему должен выбирать абсолют, светлый или темный?

Не проделать ли тот же фокус?..

Вот только тут порталы, не двери. В такой шагнешь — он затянет, мгновенно перебросит дальше, в следующий коридор или пещеру. Что же делать?

Я прикинул расстояние между двумя кругами, в которых бесшумно вращались потоки ярко-белого света и густой, непроницаемой тьмы. Вот как поступлю... Нагнувшись вправо, вытянул руку — и погрузил ее в Портал Света. И одновременно левой ногой шагнул, насколько это было возможно в таком положении, в Портал Тьмы.

БАММ! Пещера затряслась. Порталы вспыхнули, потянули меня. Тело рвануло в две стороны, на миг я ощутил себя железной песчинкой между двумя магнитами. Тьма победила и затянула меня, вырвав сияющую светом руку из второго портала.

Я снова стоял в начале короткого коридора с проемом на другом конце, и позади меня в каменной стене быстро угасал черный круг.

Оглядел себя. Никаких изменений. А вот закладка меню мигает... Мысленно потянул за нее — снова выехало мое изображение. Цвет фона и рамки поменялся, они стали пятнистыми. Ах ты ж! То есть прошел бы я через портал Тьмы — почернели бы, через светлый — побелели, так выходит? Порталы определяют как бы общую направленность персонажа, какие дела, хорошие или плохие, ему лучше будут даваться. А я не светлый и

не темный — пятнистый, хотя темного больше. Одобряю! Пятнистость — лучший камуфляж!

Окей, двигаемся дальше.

Впереди была очередная пещера с шаром света под сводом. Но теперь ни дверей, ни порталов — обычные проемы, прямоугольные дыры в стене. Четыре дыры.

В одной горел огонь. Кажется, по полу там шла борозда, куда было налито что-то горючее. Оно ярко пылало, языки пламени облизывали верхний край. Даже на расстоянии ощущался жар.

В другом проеме шел дождь: отверстие высотой в человеческий рост перекрывала шелестящая стена воды.

В третьем была насыпана гора рыхлого жирного чернозема высотой почти до пояса. Никак не перешагнешь — если хочешь туда, прямо по нему надо пройти.

Четвертый проем был пуст. Сквозь него виднелся короткий каменный коридор.

Я почесал лоб. Понятно: стихии. Огонь, вода, земля, воздух... В отличие от тьмы и света, с ними все менее очевидно. Что, например, означает земля? Твердь. Был бы я гномом, наверное, стоило бы шагнуть туда. Но я человек. Хотя во мне есть частица гнома. Или нет? Сумел я создать мультирасового персонажа своими манипуляциями или не сумел? Судя по меню — что-то такое у меня получилось, хотя результат не очень ясен.

В общем, как и прежде, слишком мало информации. Поэтому я просто прикрыл глаза на несколько секунд, изгнав из головы все мысли, а потом открыл и, не дав себе ни на миг задуматься, шагнул к дыре с огнем.

Жар. Сильный. Да оно ж как настоящее жжется! Я взвыл от боли. Можно одним прыжком преодолеть препятствие... Нет, лучше отступить — быстрее назад!

Я едва не потерял сознание с перепуга, увидев ожоги. Кожа побагровела, в отдельных местах полопалась, на глазах расходясь лиловыми лепестками струпьев, под ними обнажалась багрово-розовая лоснящаяся поверхность... Твою мать, я что, таким и останусь?! Ничего не соображая от дикой боли, прыгнул в проем с водой, и она ледяной свежестью обдала тело, мгновенно погасив боль.

Зажмурившись, рухнул по другую сторону дыры. Полежал немного и встал. Первым делом оглядел себя — никаких ожогов. Интересно, их вода вылечила или они бы сами собой исчезли?

Опять сзади лишь каменная стена. И снова мигает закладка меню. Потянул, раскрыл «Магию». Там были две квадратные пикты, оранжевая — на ней, кажется, комета, или файерболл, — и голубая, с изображением озера. Пиктограммы почти наложились друг на друга, трудно понять, что там изображено.

Стихии традиционно определяют направленность магии. Хотя черт его знает, как оно в этом мире решено. Может, вода дает таланты во всяких речных и морских профессиях, а если выбрал огонь — быть тебе пожарником, кузнецом или поджигателем. С третьей стороны, стихии могут накладывать отпечаток на все таланты, то есть влиять и на магические, и на обычные способности. Снова упираюсь в недостаток сведений, и раз взять их пока что неоткуда — идем дальше.

Коридор привел в большую пещеру, которая — наконец-то! — отличалась от трех предыдущих. Озарял ее все тот же шар света, но была она овальной, а не круглой.

В ней стояли три стола. Три очень длинных деревянных стола, на которых лежали...

Вещи.

Сразу бросалось в глаза, что разложены они вроде и в беспорядке, но обязательно на большом расстоянии друг от друга. Метра два между каждым предметом, не меньше. Я не сразу понял, зачем это.

В тишине я огляделся. На столах было много чего. Вот, например, нагрудник — шикарный, посверкивающий крутейшей драгоценной инкрустацией. Дальше корона из золота и серебра. Железное кольцо. Изящный бархатистый плащ. Стрела с клочком шерсти, прилипшим к окровавленному наконечнику, на вид очень дорогие сафьяновые сапоги, веточка клевера, большой слиток золота, кусок холстины, обрывок веревки, кожаная лента, свернутый пергамент, ключ, аккуратно срезанное мохнатое ухо, кинжал с узким клинком, пахнущий яблочным уксусом бутылек без пробки, длинная швейная игла, раскрытый ларец с драгоценными камнями, косточка, молоток, статуэтка обнаженной девушки, массивное золотое ожерелье, кусок жареного мяса на тарелке, расшитый серебряными нитями кафтан, меховая куртка тонкой отделки... Столы посверкивали, искрились, переливались. Между дорогими шикарными вещами будто прятались простые и незаметные, скромные, их было меньше.

На железной двери в другом конце пещеры изображался шар, в котором легко опознавался Сард, таинственный символ X-Мира.

Не значит ли это, что пещера последняя и дверь ведет во внешнее пространство?

Заложив большие пальцы за подпоясывающую штаны веревку, я не спеша обошел столы. Все эти предметы, что они означают... Умения? Бонусы? Будущие склонности и таланты моего персонажа? И какое количество позволено взять?

Глаза разбегались — сколько всего! Меха, драгоценности, шелка, золото... Странно, но взгляд сам собой возвращался к кинжалу. Как магнитом тянуло. Хотя тот был ничем не примечательным, обычное холодное оружие, без драгоценностей в рукояти. Ничего лишнего, зато лезвие остро заточено. Что-то в кинжале было такое, из-за чего хотелось взять его. Но почему он, почему, к примеру, не тот меч? Стоит раз в сто дороже. В тысячу! Один крупный рубин в гарде — как сотня таких кинжалов...

С другой стороны, зачем противиться своим желаниям?

Я поднял кинжал, крепко сжал в руке. БАММ! — ударил гонг. Сбоку вспыхнуло, взгляд метнулся туда — засветилась «луна» на двери. Разгорелась на пару секунд и погасла. Переведя взгляд обратно, едва не вскрикнул. Кинжал стал прозрачным и вдруг взорвался облаком крошечных кубиков — сгустков белого света. словно опилки к магниту, они устремились к моей руке и втянулись в нее. Я потряс кистью, оглядел ладонь, запястье. Никаких последствий — составляющие элементы кинжала растворились в теле.

Раскрыл меню. На вкладке «Бой» появилась пикта с клинком, под ней было написано:

Владение различными видами легкого оружия:

Ученик.

+15

На вкладке «Ремесла»:

Профессии и умения, связанные с металлом:

Подмастерье.

+10

На вкладке «Магия» ничего не изменилось, «Особые умения» остались пусты. И все? Как-то я большего ожидал... Кстати, а где уровни? Почему их не видно в меню? Сосредоточено перелистал вкладки, размышляя. Может, здесь вообще уровней нет? Ты что-то делаешь в этом мире, как-то решаешь вопросы, юзаешь определенные предметы — и получаешь очки к умениям и талантам того направления, в котором движешься? Силу, ловкость, интеллект и прочее тоже, судя по всему, распределить нельзя.

Ладно, продолжим. Какое количество предметов можно взять, неизвестно, но пока из пещеры меня не выставляют, будем пробовать. Железное кольцо, бечева, рогатый шлем, серебряный кубок... золотой слиток. Почему бы и нет? В конце концов, золото — всегда хорошо. Я потянулся к слитку, но в последний момент передумал. Прошел немного дальше — и рука будто сама собой схватила широкую кожаную ленту. Да что ж такое, зачем мне этот обрывок! Инстинкты, что ли, сработали? Не тащить блестящее, как ворона, а взять нечто более практичное. Хотя что такого практичного в лоскуте кожи? Попытался бросить его, но лента уже распалась на кубики света, и те влетели в мою ладонь.

Ударил гонг, Сард на двери снова вспыхнул и погас. Уверен, что девяносто процентов прошедших через эту пещеру взяли бы не кожу, а, к примеру, вон тот золотой кубок, посверкивающий камнями. Или слиток золота. Очень уж они заманчиво блестят... И что мне дала кожа?

Владение различными видами метательного оружия:

Ученик.

+10

Какое еще метательное оружие, почему... Ага, так это праща была! Всё понял, не дурак. А с ремеслами у нас что?

Там появилось ожидаемое:

Профессии и умения, связанные с кожей:

Подмастерье.

+15

Увы, вкладка «Особых умений» по-прежнему огорчала пустотой, да и в «Магии» ничего не менялось.

Кажется, выбранный предмет дает некий первоначальный толчок, но ведь это не значит, что я позже не смогу начать изучать что-то другое? А может, взять золотой слиток третьим? Чистое золото, никаких украшений... Почему-то было чувство, что больше мне ничего трогать не позволят. Три вещи — и все. Кстати, теперь стало понятно, почему вещи лежат на таком расстоянии: чтобы нельзя было схватить их сразу двумя руками. Довольно тривиальная мысль, уверен, что она приходила в голову многим.

Проблема в том, что больше мне ничего брать не хочется. Даже золотой слиток не очень-то прельщает. Я медленно обошел столы. Ни одна вещь не звала к себе, как звали кинжал и праща. Вот не греют — и все тут! Наоборот, все вызывали какую-то скуку. Даже вот этот браслет, усеянный самоцветами. Даже тяжелая корона.

Миновав конец стола и оказавшись спиной к двери, я заметил что-то под ногами. Едва не наступив на это, присел.

С каменного пола на меня смотрел глаз. Слизкий влажный шарик со зрачком и торчащим с другой стороны липким жгутиком. Зрачок почти целиком скрывало желтоватое бельмо, крайне мерзкое с виду. Глаз СМОТРЕЛ. Пялился с пола — прямо на меня. Я поежился. Перевел взгляд на край стола — там виднелся темный потек. Кажется, глаз лежал на самом краю и просто соскользнул... почему? Это такая хитрая задумка или он упал, когда пещера задрожала из-за моих предыдущих действий?

Глаз смотрел на меня, а я смотрел на него. И понимал, что должен его взять. Хотя при мысли о том, что эта слизистая мягкая гадость впитается в мою руку, пусть даже виртуальную, к горлу подступал комок. Интересно, много через пещеру прошло таких... не брезгливых, которые тоже заметили глаз и решились его схватить? Сидя на корточках, медленно протянул к нему руку...

А потом в голову пришла новая мысль, и я вскочил, окидывая взглядом стол. Ближе всего лежали счеты — на них, кстати, тоже раньше не обратил внимания. Небольшая, изящная вещица. Черная. Костяшками служили гладкие золотые кружки, похожие на монеты. Годится!

Я вытащил из штанов веревку, сделал петлю на конце, примерился — и накинул на счеты. И потянул на себя, стаскивая к краю стола.

Одновременно присел. Теперь главное сделать все вовремя. Счеты свалились на меня, ударили по плечу, и в тот же миг пальцы сомкнулись на бельмастом глазе.

БАММ! БАМММ!! БАМММММ!!!

Гонг оглушил. Счеты стали прозрачными и распались невесомыми световыми кубиками. Под пальцами что-то шевельнулось — глаз будто моргнул, хотя этого точно не могло быть, он же без века. Я уставился на сжатый кулак. Глазное яблоко в нем шевелилось и дергалось. Между пальцами засочилась мерзкая желтоватая слизь. Почему он не распадается?! Я выпрямился, подхватив с пола веревку и едва не упал, когда пещера дрогнула.

Пространство смазлось, зазвенел ползущий к краю стола кубок. Бах! Золотой слиток свалился на пол. Дальний стол заскрипел, кренясь.

Сард на двери вспыхнул, как сверхновая. Я разжал пальцы — глаз пропал.

Замигали вкладки меню, но мне было не до того. Пол вибрировал все сильнее, упавшая со свода булыга врезалась в край одного стола, ножки подломились, и он опрокинулся. Так, пора валить. Или, может, еще что-то успею взять?..

Вдруг невидимая сила толкнула меня к двери. Будто прозрачная стена сдвинулась, оттесняя от стола. Подошвы сандалий заскользили по полу, я попятился, придерживая спадающие штаны, развернулся и пошел сам, на ходу подпоясываясь. Сзади грохотало, сыпались камни. Дверь передо мной начала открываться, движение незримой стены ускорилося, меня подтолкнуло в спину — и выпихнуло наружу.

Сделав еще несколько шагов, повернулся. Из песка торчала остроконечная желтая скала без всяких проемов, дальше по сторонам били гейзеры. Скала дрожала, от нее шел приглушенный грохот.

С неба сорвался сноп разноцветных молний, они ударили в вершину. Скала задрожала сильнее, посыпались камни. Ого, серьезно я их раскочегарил! Над скалой взвился смерч, он все вытягивался, расширяясь, достиг неба, налился темнотой, потом опал и исчез. Скала больше не дрожала, камни не сыпались, гул стих. Что бы ни произошло в скрытом нутре виртмира, локальный катаклизм закончился. Мир впитал меня в себя.

Я попятился, оглянулся. Скала стояла на границе, где горячий песок пустыни смешивался с землей. Поначалу сухая, каменистая и в трещинах, мертвая, она с каждым

метром становилась все более живой, метрах в пятистах от меня на ней начинала расти трава, а дальше...

Дальше лежал X-Мир.

Снова ударил гонг, грохот волной покатился во все стороны. Ярко вспыхнув, передо мной развернулось первое за все время игровое окно:

*ТЫ ВСТУПИЛ В МЕГАЛОН
ПОЛЯ БЕСКОНЕЧНОСТИ ЖДУТ ТЕБЯ*

Глава 4

Закладки меню мигали, будто звали открыть их, но я решил заглянуть туда позже. Итак, Пограничье. В пустыню, как мне сказали, никто не ходит, там смерть. А вот в другую сторону...

— Бур, это Кареглаз. Ответь!

Голос в голове прозвучал неожиданно. И тут же в поле зрения замерцала полупрозрачная клавиатура.

— Бур, выйди на связь. Мы видим изменения в твоих биоритмах. Ты покинул Пещеры. Если...

Тут меня окатило болью — будто кипятком плеснули. Я застонал, зашатался. Умник говорил, что создаст цепочку сигналов, которые сымитируют мою смерть, это будет сопровождаться неприятными ощущениями... Кажется, началось.

Перехватило дыхание. Упав на колени, я сдавил горло.

— Бур, мы фиксируем... Что с тобой?! — загрохотало в голове. — Ответь!

Боль усилилась. Неприятные ощущения?! Да это, вашу мать, пытки!!! Каждая клеточка тела разрывалась от невыносимой боли. Я упал набок, загребая песок руками. Зрение помутилось. На миг боль достигла пика — а потом исчезла, стихла мгновенно, не оставив и следа. Прислушиваясь к ощущениям, я снова встал на колени, потом выпрямился. Полковник бушевал, ругался, кричал, замолкал ненадолго и снова начинал голосить. Виртуальная клавиатура разгоралась и гасла.

Всё, для Агентства я умер? Ушел на респ в неведомые дали, теперь они не смогут настроить визуальный поток и видеть моими глазами? Надеюсь, Умник не обманул, пойму это по репликам полковника. И еще очень надеюсь, что мое тело не отключат и не вытащат из капсулы. Хотя эта угроза все равно будет дозвездеть. Ситуация изменится, только если совершить Переход, окончательный разрыв сознания и тела. Который, по уверению Умника, возможен, если добраться до Сарда.

Психологически я давно был готов к окончательному переходу в Вирт. В нем и так протекала большая — и самая интересная! — часть моей жизни. Уже несколько лет я воспринимал возвращение в реал как докучливую обязанность.

Так, разберемся с меню. В основной закладке, где было мое изображение, ничего не поменялось... Нет, стоп, стоп! А это? На лице у нарисованного меня появились два значка: на лбу — овал с темным кружком, а выше, в районе темени, вопросительный знак. Овал похож на этакий третий глаз, как лепят индусы к изображениям всяких Шив. Я с некоторой опаской потрогал свой лоб, но никакого глаза не обнаружил. А вопросительный знак что означает? Непонятно.

Стал проверять остальные вкладки.

Магия

(слипшиися пикты огня-воды, и больше ничего)

Бой

Владение различными видами легкого оружия:

Ученик.

+15

Владение различными видами метательного оружия:

Ученик.

+10

Ремесла

Профессии и умения, связанные с металлом:

Подмастерье.

+10

Профессии и умения, связанные с кожей:

Подмастерье.

+15

Торговля:

Юный купец.

+30

Особые умения:

Темное зрение

Суперсчет

В последней закладке появились семь разделенных тонкими линиями столбцов, «шапки» первых двух занимали непонятные «темное зрение» с «суперсчетом». А не соответствуют ли они оку во лбу и вопросительному знаку на моем изображении? То есть взятые со стола черные счеты дали +30 к торговле, ранг юного купца и суперсчет, а бельмастый глаз — темное зрение. Судя по количеству столбцов в закладке, один персонаж может получить не больше семи особых умений, и я на старте стал обладателем двух. Ну, отлично. Только вот пояснений по-прежнему никаких. Пока ясно только, что умения можно апгрейдить, при этом столбцы будут заполняться, то есть под «шапками» появятся надписи, соответствующие апам.

А вот с магией тускло. Либо слипшиися пикты огня и воды заблокировали мне всю магию, то есть что-то сломалось, и никакие заклинания мне больше вообще не светят. Либо просто не свезло, не те предметы брал со столов. С особыми умениями подфартило, с магией — нет, но все впереди. Бывает. Круговорот удачи в природе.

Закрыл меню и лишь тогда обратил внимание на две светящиеся колбы, возникшие в поле зрения внизу справа. Одна была заполнена ярко-зеленым, вторая — бледно-синим. Так... шкалы жизни и маны? Похоже на то. Небольшие, однако, колбы, хотя зеленая — повместительнее. Я здоровячок, а вот с маной похуже.

В ярко-голубом небе плыли облака. Я приставил ладонь козырьком ко лбу. Поля бесконечности, да? Вот ты какой, Мегалон. Огромный луг тянулся вдаль, трава ходила

волнами на ветру. Правее начинался лес, слева на горизонте торчала одинокая гора, у основания ее было темно-желтое нагромождение. Там находится «мегалонский вариант» города под названием Зап, где убили Хитрого Гримли. Далековато туда идти. Кстати, что у нас с едой и водой? Умник и Кареглаз их не упомянули, но не могут же они здесь отсутствовать как класс, да и кусок жареного мяса лежал на столе в последней пещере. Хотя в капсуле мое тело кормят внутривенно, но чисто психологически я нуждаюсь и в жратве, и в питье. Впрочем, пока что ни пить, ни есть не хочется, так что отложим этот вопрос.

Больше делать тут нечего, надо идти к горе. Я сделал несколько шагов, оглянулся. Пустыня, на границе которой стояла желтая скала, дышала жаром. Гейзеры хлюпали и клокотали. В реале невозможен такой резкий переход, а здесь запросто: вот тебе песок со зноем, и рядом — сочная луговая зелень и прохладный ветер.

А почему, собственно, нельзя идти в пустыню? Это что, правило такое, закон природы, Великий Игровой Канон: шагнул за прочерченную кем-то линию — и хитпоинты отбросил? Нет, все дело в гейзерах, их сюда для того и поставили, чтоб обозначить границу мира, чтоб гасить непослушных игроков. Я вспомнил, как прошел сквозь стену огня, потом сквозь нее же бросился обратно, потом нырнул в воду... Гейзеры — дети огня и воды. Две слипшиеся пикты в закладке «Магия» вряд ли сделали меня невосприимчивым к этим видам воздействий, но совсем не факт, что следует сразу же идти к горе. Послушные мальчишки живут дольше, а непослушные — веселее. Но если быть непослушным и умным, то можно прожить долго и весело. Короче, вдруг в пустыне есть что-то интересное?

Обогнув скалу, прошел между крайними гейзерами. Неугомонный полковник Кареглаз еще трижды заговаривал со мной, то грозно, то просительно. Я не отвечал, хотя клавиатура каждый раз начинала мерцать в поле зрения и пропадала лишь через несколько секунд после того, как он замолкал.

С каждым шагом становилось жарче, спина взмокла от пота, капли стекали по лбу и висли на носу. Горячий воздух обжигал легкие, затруднял дыхание. Густые струи пара били из пузырящихся луж.

Когда миновал несколько гейзеров, впереди открылось озерцо, серая вода в нем вспухала пузырями, те лопались, пыхая жаром. В такое вступишь — и сварись.

Увязая в горячем песке, я направился вдоль озера. Стопы начало жечь, горло тоже. Гиблое дело затеял, ничего здесь нет интересного, надо возвращаться. Пар, песок, кипятки, и так десятки, тысячи километров — повторяются одинаковые участки, а потом на пути возникает прозрачная стена.

Обойдя озеро, прошел еще немного вглубь пустыни и остановился. Вытер ладонью пот со лба, отряхнул, пошел дальше. Ух, дышать почти нечем! Эта пустыня может и бесконечно тянуться... Надо возвращаться, пока не потерял направление. Оглянулся на ходу — желтой скалы уже не видно.

Так что, ненадолго хватило моего непослушания? Или таинственных создателей этого мира интересовало, сколько игроков, сцепив зубы и сипло дыша, потащатся через обжигающий зной, когда за спиной зеленые луга, горы, леса, реки, синее небо и облака? Тут-то неба вон почти и не видно, сплошной пар.

Мигнула и начала медленно уменьшаться зеленая колба-шкала. Ну вот, уже жизнь на убыль пошла. Нет, точно, надо назад... Стоп! Что там темнеет впереди слева? Какое-то пятно проглядывает сквозь пар. Зеленая шкала уменьшилась процентов на двадцать. Надо валить, но ведь там точно что-то есть. Я начал огибать особо мощный, вулканом клокочущий гейзер, понял, что дальше большая кипящая лужа, которую еще неизвестно сколько обходить, и пошел в другую сторону. Лицо словно залепило горячей мокрой

марлей, дышал я с присвистом, грудь тяжело вздымалась. Жакет и шаровары отяжелели от влаги. Когда миновал гейзер, жизнь уменьшилась уже на четверть.

За ним открылся... наверное, это можно назвать поляной. Песчаной поляной в окружении белых деревьев-гейзеров. Посреди нее стоял высокий гладкий камень с плоской верхушкой, вокруг серела ограда из воткнутых в песок кривых реберных костей.

Каждый вдох так обжигал ноздри, что я стал дышать ртом, прижав к нему ладони. Это не очень-то помогало, но создавало иллюзию защиты. Добрел до камня, и когда переступил через костяную ограду, увидел на нем крошечную свирель.

Она была размером с мизинец, имела четыре круглые дырочки, и на одном конце — тонкий крючок. Лежала дудка возле раскрашенного белым барельефа, изображающего ящерицу с головой девушки. Глаза змеиные, с вертикальными зрачками, во рту острые зубы, отчего лицо, сочетавшее человеческие и рептилоидные черты, выглядело странно и пугающе.

Ящерица восседала на изогнутых в виде трона языках пламени. В одной руке она сжимала решетчатый шар, а в другой была дудка. Длиннее той, что лежала на камне возле барельефа, но тоже с крючком на конце.

Алтарь, решил я. Это алтарь, а дудочка — приношение богине-ящерице.

К этому времени шкала жизни показывала примерно пятьдесят процентов. Пот катился градом, ступни горели. Когда я взял дудку, гейзеры вокруг выстрелили шипящими клубами пара. Удушающий жар заволок площадку с алтарем. Кашляя, развернулся и бросился назад. Колба-шкала замигала, наливаясь оранжевым. Главное — не упасть, потому что встать уже не смогу!

В kloкочущих паровых столбах, мимо которых я бежал, проступили силуэты то ли вставших на задние лапы ящериц, то ли хвостатых человечков. Протягивая ко мне руки, они извивались в танце и пронзительно шипели... Или это шипела вода, вырывающаяся из песка вместе с паром?

У самого края пустыни я все же упал, и дудка вылетел из руки. Обожженные глаза слезились. Я задышался. Пошарил в песке, нащупав свою добычу, схватил и на четвереньках пополз дальше. Еще пара метров — и мир преобразился. Жара резко спала, синее небо проступило над головой. Я встал, шатаясь, сделал несколько шагов, поглядел по сторонам. Желтая скала маячила довольно далеко слева. Приличный крюк, оказывается, сделал. Подволакивая ноги, добрел до края луга и повалился в траву. Полежал, отдыхая, перевернулся на спину. В небе описывала круги, ритмично взмахивая крыльями, большая птица. Довольно долго я бездумно наблюдал за ней, лишь иногда скашивая глаза на шкалу жизни. Она снова позеленела и начала медленно расти.

Я резко сел, приглядываясь к птице. Какая-то она странная. Эти крылья... Дракон? Огромная летучая мышь? Кажется, оно вообще не живое! Летательный аппарат вроде тех, что мастерили неудачливые изобретатели на заре эры самолетов. Вон, позади едва различимый сероватый след выхлопа... Дизель? Положив дудочку на колени, кулаками потер глаза и снова уставился на эту штуку. Взмахивающая крыльями машина перестала кружить надо мной и полетела прочь от границы пустыни.

Некоторое время я провожал ее взглядом, затем пожал плечами и взял свирель.

Она была костяной. И полый — отверстия с обоих концов, в одно можно дуть, с другой торчит тонкий плоский крючок, похожий на акулий плавник. И четыре круглые дырочки в ряд.

И трещина. Она шла по всей длине, соединяя дырочки. Так эта штука сломана?

Я поднес дудку ко рту и дунул. Получился неубедительный клекот. М-да, стоило из-за этого в пустыне потеть? Поднявшись, снова попытался, набрав в грудь побольше воздуха.

Над травой неподалеку начало формироваться продолговатое облако, в котором потрескивали оранжевые искры. Я поперхнулся, дудка засипела. Облако на миг обрело более четкие очертания, показалось даже, что они мне знакомы, но тут оно растаяло. Искры еще секунду поблескивали в пустом воздухе, затем погасли. Я опять стал дуть, но безрезультатно. Как ни сипел в свирель, как ни булькал, ничего не происходило. Надо ее починить. Провел по гладкой поверхности ногтем. Наверное, все дело в этой трещине.

Кстати, что там у нас с меню...

Особые умения:

Темное зрение. Суперсчет: \$%^*&\$##@#

О-па, кое-что новое! Зуб даю: все дело в трещине на свистке. Если найду на просторах Мегалона мастера, способного починить свирель, получу крайне любопытное умение.

Вытащив из веревки в штанах несколько волокон, я сплел шнурок, продел в отверстия, завязал и накинул на шею. Теперь дудочка висела на груди, как свисток.

Жизнь за это время успела восстановиться. Голода я по-прежнему не чувствовал, хотя пить уже хотелось. Трава на лугу выглядела свежей, сочной... Наверняка впереди найдется ручеек или даже речушка. Все, в путь. Я кинул последний взгляд на стену гейзеров, на маячившую в отдалении желтую скалу — и пошел.

* * *

Обойдя высокие заросли, остановился: передо мной был орк. Да не простой, черный. Стоит под засохшим деревом, склонив голову на грудь, и не шевелится. Всклоченные жирные волосы, руки свободно свешиваются вдоль боков. Лицо и запястья — черные.

Орк-негр? Гм...

Приглядевшись, осторожно шагнул вперед. Да он жив ли вообще? Понадобилось приблизиться еще на несколько шагов, чтобы понять: мертв. И пригвожден к дереву.

Вокруг ничего подозрительного. Луг, деревья, островки зарослей высокой травы. Облака в синем небе, далеко впереди — странная одинокая гора. И формой странная (верхушка — как смятый окурок), и цветом (желто-коричневая, словно глинистая почва), но сейчас не в горе дело.

За последние метров сто земля стала мягче, появились лужицы, я вроде приближался к болоту. А вон и осока впереди качается...

Убедившись, что ничего подозрительного в округе нет, подошел к орку. И правда — чернокожий. Но черты лица не негроидного типа, скорее, монгольского. Босой, меховые штаны, меховая куртка (воняет козлятиной), оружия не видно, только из груди торчит деревянная рукоять. Я ухватился за нее, дернул и попятился, когда орк мягко повалился в траву.

В руках у меня оказался неширокий тесак, не очень-то острый с виду. Перехватил его из руки в руку, взмахнул, крутанул... Распасться на составные элементы и вращаться в тело не собирается. Ну, значит, первое мое оружие в этом мире. Проверим-ка меню...

В руке моего изображения появился клинок, при фокусировке на нем всплывало пояснение:

Простой тесак бойца. Класс: обычный.

Одноручное, режущее, рубящее. Урон: 5–7, при внезапной атаке: 20. Прочность: 12/15.

Ладно, орка убили этим тесаком, но неужели он сам был безоружный? Поглядев в траве, я нашел неподалеку короткую дубинку с торчащим из навершия острым крюком.

Дубинка орка-стража. Класс: обычная.

Одноручное, дробящее. Урон: 9–11. Прочность: 17/20.

Страж? Что же этот малый сторожил?

Осторожно, чтоб не пораниться и не порезать крюком веревку, я сунул дубинку за пояс. Как только отпустил рукоятку — раз! — изображение дубинки переместилось в один из слотов. Кстати, поле со слотами было разбито на три части. Для одежды, оружия и... чего еще? Амулетов, медальонов, украшений, всяких магических девайсов вроде моего свистка?

Перехватив тесак правой рукой и напоследок еще раз оглядев орка, я направился дальше. Под ногами хлюпало. Впереди зашелестела, затрещала на ветру осока. Вот тут земля притоптана, отчетливо видны наполненные грязной жижей следы. И дальше в зарослях прореха, осока сломана и смята... Опа!

Я подался назад. Передо мной и впрямь было болото. Оно тянулось неширокой полосой влево и вправо, а впереди виднелся другой берег.

На краю поросшего бурой травой островка лежали двое. Мужчина, чьи ноги погрузились в болотную жижу, и рядом, лицом вверх, черный орк. Из груди его вертикально, будто крест на могиле, торчал меч с длинной перекладиной. Между телами на земле валялась черная сумка. Человек с орком с двух сторон протянули к ней руки, словно перед смертью очень хотели схватить ее.

У мужчины половина головы была обожжена, волосы обгорели, кожа обуглилась. Я потер лоб, соображая. Вдруг зрение помутилось, и будто порывом ветра в мозг задуло картину: орк кастует файерволл, мечет его в беглеца, похитившего сумку с ценным содержимым, и обожженный мужчина из последних сил вонзает в грудь нагнавшего его колдуна меч, а потом они падают и умирают.

Картина была черно-белой и под необычным углом зрения, словно я находился у самой поверхности воды. Я моргнул, помотал головой. И только когда видение развеялось, осознал, что на островке есть кто-то еще.

Крупный пятнистый волк. Бурая, в коричневых разводах шкура его цветом почти не отличалась от поверхности островка, в центре которого он неподвижно сидел, поэтому я не сразу заметил зверя. Он застыл, обратив к мертвецам непривычно длинную и узкую морду, поблескивая темными глазами.

Очень осторожно, чтоб не щелкнуть сухой осокой под ногами и не хлюпнуть влажной землей, я присел. Воткнул тесак в землю и еще раз окинул взглядом болото.

Раздалось ржание, и сквозь осоку на том берегу просунулась пегая конская голова. Волк, вскочив, повернулся. И зашипел, как змея. Конь снова заржал и попятился. Из осоки

донеслось фыркание, мягкий топот — он рысцой удалялся. Волк снова сел и уставился на тела. Станный какой. Чего он торчит там, почему не жрет их? А если сыт — почему не растерзает тела, не оттащит хотя бы часть к себе в логово? Ведь есть же у него тут где-то логово, должно быть...

Что там говорил Умник в просмотрном зале? Обычных квестов в X-Мире нет. Появление игроков в различных точках мира включает так называемые игровые события. Причем они не стандартные для всех, а зависят от игрока, его класса, уровня... Насчет уровней он ошибся, насколько я вижу, нет тут понятия уровней. А «игровые события»... Не смотрю ли я сейчас на одно из них? То есть событие-то произошло немного раньше, я вижу его последствие. И должен отреагировать.

О'кей, какие есть варианты?

Во-первых, пройти мимо и вообще не париться. Пусть себе дальше лежат два трупа, сидит волк на островке, бегает на том берегу конь. Пусть другой игрок, пришедший за мной, делает что хочет.

Во-вторых, напасть на волка с дубинкой и тесаком. С разбегу, грозно размахивая оружием, наброситься... Не знаю, не уверен. С одинаковым успехом я могу замесить его, а может и он закусать меня до смерти. Сородичей его поблизости вроде нет, но даже с одним таким зверем я могу не сладить, слишком еще неопытен, да и оружие мое, прямо скажем, не внушает. Вот если бы достать меч, торчащий из орка! С его помощью точно волка завалю.

Так, наклеивается третий вариант: обмануть волка, приманить его, вернее — отманить, чтоб покинул островок, пробраться туда и схватить меч. А дальше уже орудовать им.

Любопытный вариант, лучше первых двух. Меч, отсюда вижу, неплох, да и в сумке наверняка что-то интересное. Надо их добыть, обязательно. Но как заставить волка уйти с островка? Может, швырнуть что-то в осоку, оно упадет, зверь услышит... Ну да — поглядит туда и останется на месте. Вон, сидит неподвижно, трупы созерцает. Философ. Интересно, чего он ждет?

Размышляя, что делать с волком, я склонил голову и задумчиво упер указательный палец в лоб.

Там что-то шевельнулось. Прямо на моем лбу! Или внутри его. Поле зрения сузилось, все стало черно-белым, и вдруг я увидел островок так, будто смотрел на него от поверхности воды.

Орк с человеком мертвы, я двигаюсь к ним. Звуков нет, лишь картинка, по краям ограниченная темной полосой. Выбираюсь из болота на островок, склоняюсь по очереди над телами, толкаю их волосатой лапой с перепонками между пальцев. Убедившись, что оба мертвы, впиваюсь в шею сначала одного, потом второго.

Картинка смазалась, померкла. Я снова видел своими глазами.

Волк неподвижно сидел на том же месте. Сомнений не осталось: только что я видел его лапу. Хотя ступню с перепонками отсюда не разглядеть, по жирной блестящей шерсти она легко опознавалась.

Получается, я видел его глазами то, что недавно случилось на болоте?

«Темное зрение», ну конечно! Это оно! Магическое или экстрасенсорное умение... Благодаря бельмастому глазу я могу подключаться к кому бы то ни было и смотреть его глазами!

Попробуем еще раз. Я уставился на неподвижного волка, сдвинул брови, уперев между ними указательный палец. Несколько секунд ничего не происходило, затем подо

лбом зачесалось... И на то, что было перед глазами, наложилась черно-белая картинка: край островка, два тела совсем близко.

Я замер, стараясь сосредоточиться, чтобы мое обычное зрение не отключилось, как в прошлый раз. Хотя картинки частично сливались, было очень круто видеть и своими, и чужими глазами. Надо хорошенько разобраться во всем, изучить свои возможности. Например, узнать, можно ли как-то иначе совместить картинки? Допустим, сузить одну из них... Мысленно я попытался сдвинуть второе изображение, и оно переместилось. Очерченный темной полоской круг уменьшился, заняв примерно треть поля зрения. Собственно, а почему круг? Это жесткая форма интерфейса или динамичная? Попробовал поменять ее, потянув в разных местах, и превратил круг в квадрат, затем в прямоугольник. Переместил влево и вверх.

Класс! Теперь окно напоминало экран телевизора, на котором, просматривая один канал, можно включать другой. Большую часть поля зрения занимало то, что я видел своими глазами, а в углу висел обрамленный темной полоской прямоугольник, куда транслировалось черно-белое «волчье видео».

Я даже вспотел от напряжения, но теперь все смотрелось очень неплохо. Кстати, меню мигает, надо заглянуть. Но когда мысленно потянул за него, трафик от волка прервался, прямоугольник исчез. Во лбу возникла тягучая боль. Ясно, пока что долго поддерживать «темное зрение» нельзя, надо тренироваться, качать дар. Синяя колба, кстати, исчезла — за короткий срок израсходовал всю свою ману.

Во вкладке умений обнаружилась новая запись, теперь страница выглядела так:

Особые умения:

Темное зрение. Суперсчет: \$%^*&\$##@#

Уровень 1

Значит, первым уровнем умения я овладел. Любопытно, какие дополнительные возможности откроются в дальнейшем? Можно будет подольше оставаться в чужой голове, или подключаться сразу к нескольким, или еще что-то?

И другое интересно — темное зрение применяется только к неписям или позволяет подключаться к зрению игроков? В Мегалоне их должно быть очень мало в сравнении с «местными», то есть неигровыми персонажами. Сюда не так много людей попало. И сразу новый вопрос: а как их узнать? Уже понятно, что интерфейс в игре спартанский, не было всплывающих окон, над волком отсутствовала шкала жизни. Есть только мое меню, да на выходе из желтой скалы меня встретило окно приветствия, и всё.

Но вернемся к волку. Эти его перепонки на лапах, жирная шерсть... Он водоплавающий, как выдра или бобр. И логово у него, наверное, где-то там, в осоке. Волк вынырнул из воды рядом с островком, и когда орк с человеком упали бездыханными, укусил их по очереди за шею. И сел ждать. Чего?

Может у него питание как у паука? Тот вспрыскивает яд в муху, ждет, пока жертва размякнет, потом сосет. Что, если и у волка яд в клыках? И теперь он дожидается, пока человек и орк превратятся в два бурдюка с аппетитным полужидким содержимым?

Я пригляделся в морде волка. Уж очень она узкая, есть ли там клыки вообще? Может, внутри жало прячется? Что, в конце концов, я знаю о местной фауне?

С другого берега донеслось приглушенное ржание, жалобное и потерянное. План действий сложился в голове, и я тихо попятился, чтобы, отойдя подальше, незаметно для зверя пересечь болотистую полосу и воплотить задумку в жизнь.

Идея была проста, как интерфейс «тетриса». В стороне обнаружился длинный островок, по которому я пересек большую часть топкой полосы, потом еще немного попрыгал по кочкам — и готово, вот он, другой берег. Пробравшись сквозь осоку, увидел все тот же луг. Дальше была роща, за ней низина, потом снова луг, вдалеке — гора.

На лугу у осоки стоял конь. Довольно крупный коняга, оседланный. Стоял там и жрал траву, взмахом хвоста отгоняя болотных слепней.

Я пошел к нему, он повернул голову, тихо заржал и отступил. Приблизился еще — он снова отступил, но уже не так далеко.

— Не бойся, приятель! — произнес я негромко, чтоб не донеслось до волка.

Конь еще дважды отходил, тревожно кося на меня карим глазом, но в конце концов позволил взять себя под уздцы. Я похлопал его по шее, потрепал холку. Оглядел седло, подпругу, затем потянул скакуна к осоке, к тому месту, где в ней была прореха, точно такая же, как на другом берегу. Значит, мужчина скакал на этом коне, но у болота спешил, чтоб перейти на другой берег, и тут-то подоспели черные орки? Почему же тогда один пригвожден к дереву чуть в стороне? Выходит, беглец слез с коня немного раньше...

Ладно, неважно. Скакун начал беспокойно дергать головой и фыркать.

— Спокойно, спокойно! — проговорил я, правой рукой удерживая повод, а левой вытаскивая из-за пояса тесак. Дубинка орка лежала в траве рядом. — Сейчас ты немного удивишься. Но на самом деле ты — непись, причем даже непись-зверь, существование твое бессмысленно, мозгов у тебя нет... Просто кусок кода, поэтому мне тебя не жалко, понял?

С этими словами я ударил его тесаком плашмя по заду, сильно и звонко.

Коняга возмущенно заржал, встал на дыбы. Я ударил еще раз, посильнее, он забил в воздухе передними ногами и рванул вперед, взрыв землю, точно резко стартующий с места гоночный болид.

Я все рассчитал: пегая голова коня была направлена точно на островок, который смутно виднелся сквозь осоку. Взлетели брызги, заплескалась вода. Волк вскочил, увидев несущегося прямо на него скакуна, зашипел и бросился в воду.

Лишь чудом тела мертвецов не попали под копыта. Конь пронесся через остров и с треском канул в зарослях на другом берегу. Я уже бежал за ним. Волк исчез из виду — занырнул в болото. Прямо дайвер-профи, без всплеска ушел. После прыжка с одной кочки на другую нога поехала на скользкой грязи, и я обрушился в жижу, подняв темный фонтан. Вскочил и заметил голову волка, вынырнувшую из болота сбоку от островка. Шипя, он поплыл. Я рванул вперед, по пояс в жиже, руками разгребая ее перед собой. Мы достигли цели почти одновременно, я лишь на секунду опередил зверя. Вырвал меч из груди орка и, стоя на одном колене, с разворота широко взмахнул клинком.

За ним в воздухе осталась бледная дуга. В тот миг, когда меч прорубил голову прыгнувшего на меня волка, от клинка плеснула серая дымка. Меч напололам разрубил череп, и зверь упал. Тяжело дыша, я вскочил. Источаемая клинком дымка растаяла в воздухе. Я занес клинок над зверем, но опустил — незачем крошить труп. Если башка чуть не на две половинки развалилась, выжить невозможно. Кстати, клыков в пасти таки нет, лишь гибкий длинный язык, смахивающий на розовую змейку, с хитиновой иглой на конце.

Интересно, падает дроп с местных мобов? Есть в этой туше что-то ценное и как его добыть? Может, язык вырезать? Хвост? Голова в такое месиво превратилась, что копаться там нет никакого желания, а вот хвост знатный, особенно если его просушить.

Одним ударом я обрубил волчий хвост, очистил от влажной грязи и привязал к поясу так, чтобы он свободно свисал вдоль левого бедра.

Заглянул в меню. В руке моего изображения появился меч, на поясе — мохнатая метелка.

Заговоренный меч путешественника. Класс: нечастый.

Одноручное, режущее, рубящее. Урон: 25–30. Прочность: 20/25.

Бонус: +10 урона при использовании против теплокровных.

Хвост взрослой болотной волчицы. Класс: обычный.

Простое украшение. Прочность: 10/10. Внешний вид: +3.

Значит, волчица. Теперь загоним в дальний угол сознания брезгливость и займемся языком. Интересный он, жалко оставлять такую добычу. Хотя, может, конечно, это и не добыча, а фигня бессмысленная. Я присел на корточки и понял, что потерял тесак. В болоте утопил, когда упал. Дубинка в траве на берегу лежит, ее-то подберу, а тесаку капец. Жаль, только разживаться добром начал. Пришлось орудовать кончиком меча, что не очень-то удобно, но я справился, хотя в какой-то момент под клинком чвякнуло, и кровь из развороченной волчьей морды тонкой струйкой окропила мне лицо.

Вскоре язык был у меня в руках. Неудобно, что нет никаких подсказок, пока видишь вещь перед собой, но еще не взял ее. Вдруг в местной магической системе существует заклинание типа «скрытая суть», позволяющее видеть сущность вещей? Неплохо бы его освоить, чтобы окошки возникали над предметами до того, как они попали в руки.

Положив волчий язык на ладонь, я выпрямился, разглядывая его. По ощущениям он был не такой противный, как с виду. Холодный, мягкий, совсем легкий. Один конец измазан волчьей кровью, хитиновая игла напоминает иголку от шприца. Острый кончик скошен, там виднеется темная дырочка. В ней дрожит крошечный прозрачный сгусток. Яд.

Осторожно удерживая язык на ладони, я раскрыл меню.

Язык взрослой болотной волчицы. Класс: редкий.

В определенный сезон несет в себе опасный яд циандалин.

И все, больше никаких пояснений? Надо будет проконсультироваться у кого-то: лекаря, хила, спеца по ядам... В Запе такой найдется, наверное. Хвост волчий, значит, обычный — потому что они одинаковые у всех взрослых болотных волков, а вот язык с ядом — редкая штука. Не очень логично, что с одного моба упали два предмета различного класса.

Мечом я отрезал от рубахи мертвого мужчины лоскут, осторожно завернул язык в него, затянул бечевой, которую вытащил из поясной веревки, и пока что положил сверток на землю.

Раздалось ржание, сквозь осоку просунулась пегая голова. Увидев меня, конь фыркнул и попятился. Снова донеслось фыркание, мягкий топот — конь рысцой удалялся. У меня возникло чувство дежавю: все повторялось, только теперь вместо волка на островке сидел я. Интересно, способен ли коняга обучаться? Получив по заднице, во второй раз он меня к себе подпустит или нет?

Решив оставить сумку на потом, как самое вкусное, я оглядел трупы. У орка ничего интересного не нашлось, даже дубинки, видимо, он ее в болоте утопил. А вот у мужчины на поясе был кошель и в нем — один золотой, две серебряные монеты и четыре медяка. На всех монетах с одной стороны изображен Сард. На медной с обратной стороны — покосившаяся башня, смахивающая на Пизанскую, на серебряной — голова в короне, а на золотом... снова Сард.

Когда, ссыпав монеты обратно в кошель, я сунул его в карман, в воздухе мелодично прозвенело. Залез в меню — в уголке появилось изображение монетки, и рядом цифры:

Золото: 1

Серебро: 2

Медь: 4

Ну вот, хорошо. Что там еще у нашего вирт-жмурика имеется?

У него имелся маленький голубой, как и моя колба с маной, хрустальный фиал с горлышком, запечатанным сургучом, и синей, посверкивающей искрами жидкостью внутри. Кстати, мана восполнилась наполовину. Фиал — восстановитель маны? Малый восстановитель, судя по размеру. Выпить, что ли... Нет, повременю, исчезнувшая после использования «темного зрения» мана и так растет.

Я пару раз взмахнул мечом, но сероватого следа за клинком не заметил. Магия «включается» только во время боя? И еще вопрос — наложенный на клинок заговор надо периодически поддерживать дополнительными заклинаниями-заговорами или он будет действовать, пока меч не сломается?

Расстегнув ремень мертвеца, я оглядел большую железную пряжку с головой оскалившегося крота и нацепил ремень на себя. Сунул меч в ножны, присел возле сумки. Пора заняться главным.

В сумке лежала только одна вещь: кожаный свиток, перетянутый серебряной цепочкой. Когда развернул, выяснилось, что свиток имеет форму равнобедренного треугольника. На нем в обрамлении узоров был рисунок красной краской. Или татуировка? Изображалось что-то не очень понятное: скопище кривых линий, круги, овалы, крестики, через все это шел пунктир со стрелкой. А сверху было написано: «Лабиринт Шамбы».

Карта? Необычная, сразу и не поймешь, что это. Я несколько раз повернул кожу, разглядывая с разных точек зрения, потом уставился на желто-коричневую гору впереди. Разровнял свиток двумя руками, поднял, перевел взгляд с нее на гору, обратно. Ясно, Лабиринт находится внутри горы. Пунктир показывает, как от ее основания подняться к вершине. А что, по склонам нельзя? Хотя отсюда видно, что в верхней части они становятся отвесными. Еще на карте была роза ветров в виде солнца. Стрелками, указывающими стороны света, служили тонкие изогнутые лучи.

Карта в меню не добавилась. Или это потому, что я ее в руках держу? Я повесил сумку на ремень, карту свернул, нацепил на нее цепочку и убрал в сумку. Снова открыл меню.

С появлением ремня и сумки там стало раза в два больше слотов. В одном было изображение свитка с пояснением:

Древняя карта саламандр. Класс: уникальная.

И все? Ни черта ж не понять! Я покачал головой. Пора привыкнуть, что тут с тобой никто не носит, не подсовывает услужливые напоминалки, пояснялки и разжевывалки. На разработ надейся, а сам не плошай. Да и кто они, разработки, вдруг вообще инопланетяне?

Из осоки снова донеслось ржание. На всякий случай повторно обыскав тела и не найдя больше ничего интересного, я посмотрел на одинокую гору. Итак: все дороги ведут в Зап. Надо попробовать изловить коня — и в путь.

* * *

Это была не гора. Чем ближе я подъезжал, тем лучше видел — слишком уж она необычная. Или в Мегалоне все горы такие? Верхушка тонкая и будто смятая, под ней отвесные склоны, которые постепенно становятся все более пологими. Да и цвет желто-коричневый... Гора напоминала гигантский, как трехсотэтажный небоскреб, термитник.

Мы с Конягой ехали душа в душу. Наверное, на симуляцию его лошадиного сознания была выделена крошечная часть системной мощности вирт-мира — он почти сразу забыл о тех шлепках. Когда бар манны наполнился синим, я стал тренировать «темное зрение». Поскольку других кандидатов не было, объектом служил Коняга. Судя по всему, настроившись на кого-то, можно достаточно далеко выпускать его из поля зрения (расстояние наверняка зависело от уровня умения), продолжая видеть его глазами.

К седлу была пристегнута фляга с сильно разбавленным кисловатым вином и перетянутый ремешком сверток, где оказалась краюха черствого хлеба, пузатый огурец непривычной формы да ломоть вяленого мяса. Я утолил жажду и поел.

Луг сменился степью с куцей травой и островками зарослей тут и там. Гора приближалась. Я уже собрался посильнее стукнуть пятками в бока Коняги, чтобы вскачь преодолеть оставшееся расстояние, когда увидел стелящийся над степью шлейф пыли.

Впереди наперерез мне мчались четыре запряженные низкорослыми лошадами повозки с беловолосыми людьми. Их с громким гиканьем нагоняли конники, облаченные в черное и красное.

Я привстал на стременах. Вязываться в неведомую разборку неблагоприятно — слишком плохо пока что знаю местный расклад сил. Вернее, совсем не знаю. Одно ясно: красно-черные преследуют блондинов и вот-вот нагонят. Причем двигаются они так, что увидят меня, даже если я остановлюсь. Остается либо развернуть Конягу и скакать назад, чтобы оказаться подальше в момент столкновения, либо... ну да — спрятаться вон за одиноким каменистым холмом, что между мною и дорогой.

Повозки как раз исчезли за ним. Я прикинул, что с вершины холма будет хорошо видно место, где всадники их догонят, и ударил Конягу пятками в бока, поворачивая к возвышенности.

Покрепче привязав повод к зарослям колючек у подножия, стал взбираться на холм. С другой стороны донеслось ржание и приглушенные крики. Ну вот, догнали! Вершину образовывали две булыги, между ними была уютная сумрачная расселина. Устроившись в ней, я выглянул.

Телеги остановились, конники окружили их. Большинство светловолосых попряталось под телегами. Два мула, запряженные в переднюю повозку, были мертвы, туши их напоминали подушечки для иголок. Преследователи скакали вокруг повозок, стрелы и

арбалетные болты посвистывали в воздухе. Передняя повозка уже пылала, на третьей тоже занимался огонь.

Среди всадников выделялся великан, весь в красном, на огромной белой кобыле. Издав громовой клич, он воздел над головой кривую саблю невероятных размеров и рванул к последней телеге, сопровождаемый двумя конниками.

Я привстал, вглядываясь. В повозке оставалась женщина, не испугавшаяся стрел и не спрятавшаяся между колес. Вдруг от нее в сторону красного великана ударила струя морозного, сверкающего ледяными искрами пара. Она клинком рассекла воздух, но великан ушел от магической атаки, резко повернув здорового скакуна. А вот мчащиеся следом подручные не успели, миг — и струя опала, превратив конников в белые статуи. Они взорвались снежными облаками, опустились на землю мельчайшими осколками, усеяв ее белым.

Великан вновь занес свою огромную саблю. Одновременно немного впереди полыхнул бордовый взрыв, и из разверзшейся земли возникло... существо.

Ярко-красное, покрытое алыми полосами, оно напоминало помесь тигра и дракона. У пета была тигриная, то есть мохнатая и усатая, но удлинённая, с мощной драконьей челюстью, морда. Багровые перепончатые крылья торчали из гибких боков, длинный хвост был украшен острым гребнем. Будто язык пламени, дракотигр метнулся к телеге. Перемахнул ее, сбив с ног женщину, и прыгнул к следующей повозке. Сунулся между колес. Сквозь ржание и треск огня донеслись вопли ужаса, из-под повозки брызнула кровь.

Красный всадник был уже возле задней телеги. Гигантская сабля опустилась на женщину-колдунью.

Тут мне в голову вдруг пришла шальная мысль — и я мысленно потянулся к великану, активируя темное зрение. Возник обрамленный темной полоской прямоугольник, и вихрь чужой жизни захватил меня.

Полукровки-вайраны в страхе кричат под телегами. Зарубив старую ведьму, поворачиваю кобылу. Где Миа Чиа? Вот она! Из-под задней телеги смотрят синие глаза. Бросаю саблю в ножны, нагибаюсь и выдергиваю принцессу из-под повозки. Одета в мужской костюм, волосы — белое серебро — короткие, как у мальчишки. Тонкие черные брови, пронзительно-голубые глаза. Хозяину понравится. Миа Чиа пытается вцепиться коготками в мое лицо — *mother fucker, hot girl!* Бью наотмашь. Не по лицу, чтоб не попортить фарфоровое личико, а сбоку, в висок.

Кровоподтек сойдет, ничего. Миа Чиа теряет сознание, бросаю ее поперек лошадиного крупа перед собой. Дело сделано, пора возвращаться.

Я пришел в себя, стоя на коленях в расселине, одной рукой держась за горло, а вторую прижав ко лбу. Он горел, будто температура была под сорок. В голове до сих пор кричали обреченные, ржали лошади и лязгал металл, перед глазами стояло прекрасное лицо с огромными пронзительно-синими глазами. Я чувствовал то же, что и красный великан! Не только видел и слышал — ощущал холодную ярость берсерка, его желание убивать! И я слышал, как он... я слышал... ну да — он выругался на английском. Так он игрок? Я ведь был уверен, что обе стороны — неписи, но... Как вообще отличить их и игроков? Этот красный — точно не нип.

Великан, уложив перед собой девушку с серебряными волосами, неся мимо повозок, его подручные добивали раненых. Алый дракотигр в багровой вспышке провалился назад под землю.

Из-под горячей повозки выскочил щуплый мальчишка лет двенадцати. Момент он выбрал неудачный: великан был рядом. Кривая сабля как травинку перерубила шею,

взлетела русоволосая голова. Великан потянулся в седле и саблей плашмя хлопнул по падающей голове снизу, подбросив ее, размахнулся — и еще одним ударом отправил далеко в сторону, будто мяч. Голова отлетела, вращаясь в красном кольце бьющей из шеи крови, упала на землю. Конники засмеялись.

Кажется, мальчишка был последним из вайран, больше в живых не осталось ни одного. Великан, подняв руку, что-то прокричал. Пришпорил коня и поскакал в сторону Запа. Два подручных направились за ним, остальные спешили и занялись мародерством.

Я ждал. Довольно быстро всадники, навьючив коней тюками с самыми ценными вещами из повозок, собрались и поскакали вслед за предводителем.

Когда они исчезли из вида, я спустился к Коняге, отвязал его и пошел в сторону побоища. По мере приближения животное фыркало и все больше беспокоилось, в конце концов пришлось снова привязать поводья к кустам, растущим в двух десятках метров от места трагедии.

Горела первая и третья повозки, дым поднимался в небо, запах гари стоял над степью. Я медленно прошелся мимо телег, не отводя глаза от тел, то и дело напоминая себе, что это не зверски убитые люди, элементы кода. Один и ноль, ноль и один... только цифры, сцепленные в сложных последовательностях.

Но в Пещерах, когда огонь меня обжег, было чертовски больно! Возможно, не как в реале, но... Но до чего же реалистично горит дерево, пахнут обугленные тела, как тщательно прорисованы отчаяние и ужас на лицах нетронутых огнем трупов!

Может, вайраны — местный вариант цыган? Странствуют таборами по Мегалону... Я припомнил высокого беловолосого человека — представителя неизвестной расы на одной из дверей в Пещерах. Чем-то вайраны его напоминали.

С задней телеги донесся шорох, и я повернулся к ней. Лежащая на пропитанном кровью тряпье седая маленькая женщина шевельнулась, голова медленно повернулась ко мне. Светло-голубые глаза с черными зрачками. Белое морщинистое лицо. Почти карлица. И руки прижимают тряпье к ране, тянущейся от ключицы до костей таза.

— Ты... — простонала она. — Ты пришел.

Не зная, что сказать, я молча смотрел на нее.

— Краснобар. Это он. Он забрал Миа Чиа.

Я перегнулся через борт, разглядел ее получше и покачал головой — спасти колдунью было невозможно, в реале после такого ранения она бы точно уже не жила.

Старуха впилась в меня взглядом:

— Спаси Миа Чиа!

— Это та девчонка с серебряными волосами, которую здоровяк... то есть Краснобар вытащил из-под телеги?

Лицо принцессы, увиденное глазами великана, до сих пор стояло перед глазами — красotka, каких поискать, даже среди рисованных игровых персов, эльфиек и прочих такие мне не встречались. Не думал, что 3D-моделлеры способны создать такую куколку.

— Кто такой Краснобар?

— Пес Чвана Мозговика, — простонала она. — Увез к нему. На гору. Спаси Миа Чиа!

— Не уверен, что хочу заниматься этим, — сказал я. — Какая мне выгода?

— Ты пришел сюда. Судьба. Ты такой же, как мы.

Хм, судьба или глобальный квест? Я не стал озвучивать мысли. Ведьма вдруг потянулась ко мне, сграбастав за шиворот маленькой сухой ручкой, потянула к себе.

— Ты — вайран. Один из нас. Спаси Миа Чиа. Спаси род!

Она что-то вложила мне в ладонь. Я сорвал ее пальцы со своего воротника, шагнул назад. На ладони лежал овальный медальон, тонкая серебряная рамка окаймляла портрет той самой девчонки. Лицо казалось живым, огромные голубые глаза искрились светом. Приоткрытые пухлые, очень чувственные губы, верхняя чуть вздернута, тонкие черные брови и серебряные волосы — но не короткие, до плеч. На портрете они выглядели очень легкими, пушистыми — словно облако пуха окружало голову.

— Э... спасибо, она красивая, — проямлил я, отступая еще на шаг. — Но мне не...

— Ледяная сеть не даст тебе отступить! — каркнула старуха, подняв руку. Растопыренные пальцы были согнуты и мелко дрожали. Лицо исказила гримаса боли, глаза сверкнули. Когда что-то сверкнуло вверху, я вскинул голову — в воздухе парила огромная белая снежинка. Секунду ее очертания напоминали человеческую руку с растопыренными согнутыми пальцами, затем они изменились... теперь это была паутина из тонких нитей льда.

Отскочить я не успел, мелко звеня, на меня опустилась паутина, коснулась темени. Жгучий, ледяной холод пронзил меня. Заорав от боли, я вскинул руки, пытаюсь содрать с себя ледяную сеть, но не нашел ее — она погрузилась в череп. Я замотал головой, ощущая движение ледяной сети позади глазных яблок, она ворочалась там, словно устраиваясь поудобнее.

Старуха в телеге тяжело села, держась за бортик.

— Ледяная сеть не даст отступить. Убей Краснобара за семь дней, иначе умрешь. Она превратит твой мозг в лед.

— Сними заклятие! — заорал я.

— Убей Краснобара. Потом найди Миа Чиа. Спаси. Сеть исчезнет.

— Ты... старая сука! — Я в бешенстве шагнул вперед, вытянув к ведьме левую руку — и тогда из моей ладони вырвалась струя ледяного искристого воздуха.

От неожиданности я снова вскрикнул. Струя была послабее той, что убила двух конников, но моя цель находилась гораздо ближе.

Когда морозная струя исчезла, на телеге осталась статуя из спрессованного, сверкающего на солнце снега. По поверхности пошли трещины, словно статую распирало изнутри, а потом она бесшумно взорвалась и разлетелась облаком снежинок.

Твою же мать! Но как... Я уставился на свою ладонь. Овальный медальон исчез. Не просто исчез — врос в мою руку, оставив на коже белый овал. Именно из него ударило ледяное заклинание... Ага, и мана почти до нуля упала. Кстати, мне кажется или колбашкала увеличилась процентов на десять? Качаю магические способности, так, что ли? А вот и меню мигает...

Вкладку «Магия» по-прежнему украшали две наложившиеся друг на друга пиктограммы, но ниже появилось:

Заклинание ледяного удара

Уровень: 1

Прямоугольник, где возникла надпись, украшали морозные узоры, а бело-голубые буквы намекали, что заклинание относится к виду холодной магии.

Я сунулся в заднюю повозку, оглядел ее — вроде ничего ценного. Устилающее дно тряпье было влажным от растаявшего снега. А это что за бугорок? Откинул несколько тряпок. Из бортика торчал согнутый гвоздь, к нему был прикручен шнурок, уходящий под

тряпье... Я сдвинул кусок мешковины и увидел кожаный кошель. Ага! Сорвав с гвоздя, раскрыл горловину, заглянул и с довольной улыбкой высыпал на ладонь несколько серебряных слитков и монеты. Четыре золотых, двенадцать серебряных, пять медяков. Ну вот и профит от приключения! С другой стороны, заклинание ледяного удара — полезная штука, хотя и стремная. Потрешь щеку — и ненароком в себя самого разрядишь...

Я добавил в кошель те монеты, что были у меня раньше, и повесил его на пояс. Раздался тихий звон, и в меню появились цифры:

Золото: 5

Серебро: 14

Медь: 9

Хорошо, будем богатеть. Интересно, за сколько можно скинуть серебряные слитки? Кажется, пора уходить. С этой мыслью я повернулся к кустам и обнаружил, что Коняги нет. А, черт! Сбежал-таки, трус! Сорвал привязанный к ветке повод... Огня, наверное, испугался.

Я посмотрел в сторону горы. Все еще далековато, но если быстрым шагом — к вечеру, наверное, доберусь. Черт знает, что за твари появятся в степи ночью, — лучше не рисковать и дойти засветло. Уже отсюда видно город, раскинувшийся у подножия горы. Станный он, правда, как и сама гора, но ведь должен там найтись постоянный двор или гостиница? Деньги, чтоб оплатить постой и хороший ужин, теперь есть...

Пройдя с полкилометра, я понял, что меч мешает нормальной ходьбе, и перевесил его за спину так, чтобы рукоять торчала над левым плечом. Еще раз осмотрел ладонь — овал белел на коже и пропадать не собирался. Мана почти восстановилась. Я вытянул перед собой руку ладонью вперед и попытался активировать заклинание, но ничего не вышло. Или медальон срабатывает, только если нацелиться на объект? Попробую разобраться позже. Итак, что мы имеем? Вайраны — вроде цыган. Табор вез Миа Чиа. Цыганскую, мать ее, принцессу. Ведьма ее охраняла. На них напал отряд конников во главе с великаном по имени Краснобар. Он — игрок, судя по английскому ругательству. У него есть магический пет, помесь тигра с мини-драконом. И служит Краснобар некоему Чвану Мозговику. Миа Чиа он повез к хозяину. То есть в Зап, куда я сейчас и иду. Для чего принцесса Мозговику — непонятно, хотя, если судить по ее внешности, то как раз понятно. Интересно, тут у них гаремы есть? Я б завел. Ладно, не отвлекаться, что еще... От вайранов мне достались светлые волосы, а от гномов — смуглая кожа. Возможно, вайраны здесь редкость, да и блондины встречаются не часто, потому, когда умирающая ведьма увидела возле телеги белобрысого парня, у нее крыша поехала и она решила, что перед ней некий избранный, явившийся исполнить какое-то там хреново предназначение.

Но у меня нет долга перед умирающей колдуньей. И перед Миа Чиа, и перед всем племенем вайранов. Я не одной с ними крови, моя внешность — случайное стечение обстоятельств. Неизвестно, что за Чван Мозговик и Краснобар — может, стоит в дальнейшем их сторону принять. Или вообще ничью. Надо прийти в Зап, разобраться и только тогда...

Ледяная рука сжала голову. В ней полыхнул жгучий холод, сеть рассерженно зашевелилась под черепом. Она была словно приторочена к глазным яблокам — те закачались в глазницах, как буйки на волне, и каждое движение вызвало приступ боли.

— Хватит, хватит! — заорал я, переступая с ноги на ногу, чтоб не упасть. — Прекрати!!!

Эхо тихого шепота прозвучало в ушах: «Ледяная сеть не даст отступить. Убей Краснобара за семь дней, иначе умрешь. Она превратит твой мозг в лед».

Глава 5

В сгущающихся сумерках сам не заметил, как очутился в городе. Сначала прошел мимо пустующей дощатой халупы, после миновал вторую, у крыльца которой сидел бородач, очень маленького роста, замотанный в тряпье... Не то гном, не то карлик. Потом был дом с тростниковой крышей и занавешенным холстиной окном, за ним — другие постройки, одна неказистее другой, и вот уже я не вижу степь, вокруг плотно стоят покосившиеся развалюхи, ходят люди и гномы, по большей части одетые еще беднее меня.

У Запа не было защитной стены, ворот, стражники не остановили меня и не потребовали пошлину за вход. Обитатели окраинного бедняцкого квартала не обращали на одинокого путника внимания, хотя вскоре ко мне пристал мелкий наглый тролленок. Он семенил следом, дергал меня за рукав, за штаны и просил монету. Получив медяк, принялся кланяться второй, но вместо монеты был награжден подзатыльником и отстал.

Здесь жили гномы, тролли и люди. Орки не попадались, ни одного эльфа я пока тоже не видел.

Дорога пошла в гору, теперь вместо земли под ногами была пористая желто-коричневая пемза — вулканическое стекло. Одни дома были сбиты из дерева или сложены из камней, другие представляли собой конические пемзовые холмы, естественные образования с прорубленными дырами окон и дверей. Голоса обитателей пещер гулко доносились изнутри. Слышался детский плач, смех, скрипел колодезный ворот, где-то лаяла собака. Я шел, не сбавляя шага, готовый выхватить меч из-за спины при первых признаках опасности.

Нижнюю часть высящейся над городом горы усеивали огни, дальше склоны были темными. И далеко-далеко на вершине горел ясным холодным светом язык пламени, будто там стояла исполинская свеча.

Наверное, когда-то это был вулкан. Во время извержения лава стекала по склонам и расплзлась по округе. Застыв, она образовала толстый блин вокруг основания. В нем и в склонах остались полости. Приостановившись, топнул ногой — подо мной воздушные пузыри, пещеры, каверны, туннели, колодцы и лазы. Интересное место. Если верить карте, в толще горы пустоты образуют обширный запутанный лабиринт, по которому можно добраться до вершины. Хотя на вершине у меня нет никаких дел, если только там не живет человек по имени Краснобар.

Дорога изогнулась вокруг широкой лестницы, уходя под толстый пемзовый пласт. В глубине под ним факелы на треножниках озаряли бревенчатые постройки с рядом ворот, стояла вереница груженных тюками и ящиками повозок, несколько людей и целая толпа гномов снимали с них груз и относили к воротам. Рядом прохаживался, заложив пальцы за ремень, дородный тролль в камзоле и шляпе-треуголке, его сопровождали два человека с мечами. Торговец, сгружающий товар на местный склад? В стороне я разглядел бревенчатую платформу, от которой вверх тянулись четыре цепи. Сделав несколько шагов, поглядел вверх — в естественном навесе из пемзы над платформой была квадратная дыра с неровными краями. Грузовой подъемник, значит.

Лестница привела меня на второй ярус города. Здесь было светлее, горели синие газовые светильники на высоких столбах, а еще я заметил каменные тумбы с землей, где

росла необычная длинная трава — она медленно извивалась, словно водоросли на дне озера, и тлела мягким, приятным для глаз зеленоватым светом.

Между обычными домами высились конусы из пемзы, тоже служившие жилищами, вокруг ходили горожане. Цокая копытами, проехали два всадника в доспехах и шлемах, потом — изящная двуколка, запряженная парой гнедых. Сзади, сутулясь и нагнув длинные шеи, бежали два высоченных гнолла в кожаных доспехах, с круглыми щитами и дубинками с шипами. Гиеньи головы их были покрыты черными и рыжими пятнами, глаза — налиты кровью. Порыв ветра донес до меня характерный мускусный запах. Вел повозку молодой эльф в ливрее, а в карете, завернувшись в плащ, сидела высокая эльфа. В свете газового фонаря я успел разглядеть ее изящный профиль, и повозка укатила в сторону широкой улицы, которая, будто трещина, пересекала квартал. Две цепочки синих огней уходили в глубину города, к горе.

Ветер донес запах жарящегося мяса. Обойдя несколько домов, я очутился перед двухэтажной постройкой, возле которой стояли столы. Там пили и ели, слышались голоса, звон кружек и смех. Из дверей двое парней в фартуках вынесли длинный поднос с запеченной свиной тушей. А может, и не свиной: у зверя были закрученные спиралью рога и огромные уши вроде слоновьих. В разинутой пасти — большой желтый плод. Разносчики потащили поднос к дальнему столу, где веселилась большая компания, и я остановился, раздумывая. Ноги гудят, хочется есть, пить и, еще больше, спать. Правда, мне бы осмотреть город сегодня же, но уже ночь, видно плохо, я устал, а передо мной — постоянный двор. Вывеска с надписью «Приют странника» над дверями недвусмысленно на это указывает.

Из дверей вышел низкорослый тролль в переднике, прикрикнул на возвращающихся разносчиков, чтоб двигались быстрее, достал из-под фартука табакерку, запустил в нее корявые пальцы, потом сунул их в свой нос — мясистый, пупырчатый, похожий на баклажан. Вдохнул, громогласно чихнул, спрятал табакерку и хозяйским взглядом окинул веселящихся за столами людей. Заметил меня. Вид мой его не особо впечатлил. Тролль пошевелил своим могучим носом, которым можно было сносить с коней вражеских рыцарей и таранить городские ворота, и решил, что я все-таки сойду за потенциального клиента. Ослабившись, он сделал приглашающий жест в сторону распахнутой двери заведения.

И тут же взгляд его перескочил за мою спину, откуда донесся звук шагов и лязг металла. Люди за столами начали вставать. Оглянувшись, я посторонился, чтобы пропустить небольшую процессию, следующую мимо «Приюта странника» в сторону уходящей к горе улицы.

Впереди шествовал человек с длинными темными усами, в красно-черной одежде, одна его рука лежала на рукояти кривой сабли в ножнах, другой он поднял над головой факел. Следом шли четверо в шлемах, черных шароварах с красными лампасами и легких кольчугах, а между ними, звеня кандалами, ковылял босоногий человек. Рубаха порвалась, обнажая мускулистую грудь в синяках, на лице багровый кровоподтек, левый глаз заплаыл. Шел мужчина с достоинством, гордо поднимая голову.

— Асины бунтаря повели, — хрипло сказали сзади. Я оглянулся. Там уже стояли несколько человек, подошедшие от столов, кряжистый гном с боевым молотом на плече и давешний тролль в фартуке.

— Конец мужику, — прохрипел гном и сплюнул под ноги табачную жвачку. — Людские разборки, тьху. Гребаные человеки!

— Помолчи! — бросил один из людей. — Не в человеках дело.

— А в ком? Краснобар — человек, бунтарь этот — тоже, асины — люди, все вы тут... Вас всех в гладиаторы надо, остальным дышать легче станет.

К гному обернулись сразу трое, но выглядел тот достаточно грозно, чтобы остудить пыл собеседников. Демонстративно переложив явно тяжеленный молот на другое плечо, коротышка развернулся и, широко расставляя ноги, как моряк на палубе корабля, пошел прочь.

— Я не человек, я из другого племени, уважаемый мастер Думар, — сказал ему вслед тролль, слегка похрюкивая в нос, повернулся ко мне и добавил: — Издалека идешь, любезный? Заходи в таверну мою, поужинаешь да отдохнешь, коли монеты имеются.

Я уже собрался ответить, что загляну, но тут узник, проходивший мимо, повернул голову и уставился на меня. Не в лицо, куда-то ниже. Пробормотав что-то, шагнул в мою сторону. Мне показалось, что человек сделал это невольно, просто потому, что очень удивлен. Я скосил глаза вниз — вроде, пялится на пряжку ремня, снятую с мертвеца на болоте. Металл посверкивал в свете факела, отчетливо виднелась голова злобно оскалившегося крота.

— Куда пошел! — Один из стражей выхватил меч и плашмя врезал мужчине по голове. Тот упал на колени, по виску побежала струйка крови. И все равно он смотрел на меня, будто и не заметил удара.

— Встать! — рявкнул обернувшийся усач с факелом.

Человек медленно выпрямился.

— Иди!

Он отвел от меня взгляд — и снова посмотрел. Я как магнитом его притягивал.

— Иди, Барел, или подпалю тебе морду факелом, клянусь Ареной!

Отведя от меня взгляд, мужчина уставился себе под ноги и пошел дальше, звеня цепями. Так, и что это значит? Либо узник знает того мертвеца с болота, помнит пряжку... и тогда он мог принять меня за убийцу. Либо пряжка — опознавательный знак, вроде пароля. И тогда узник принял меня за курьера, который доставил карту.

Когда асины, как назвал их гном, увели человека в кандалах, зеваки стали расходиться.

— Что решил, любезный? — спросил тролль и, не дожидаясь ответа, направился назад к постоялому двору. Я посмотрел ему вслед, размышляя.

Какая у нас вообще ситуация на данный момент?

Полковник Кареглаз больше не проявляется — значит, в Агентстве окончательно решили, что я ушел на респ и недосыгаем для них. Мое тело в капсуле через одиннадцать дней, если прав Умник, будет перевезено в ведомственную клинику, откуда его выкрадут.

Сам Умник обещал выйти на связь, но пока от него нет вестей и я не знаю, что происходит в реале.

У меня имеется сломанная дудка, связанная со стихией огня. Еще — карта Лабиринта Шамбы. Кстати, в инвентаре она именуется уникальной древней картой саламандр. А на спрятанном между гейзерами алтаре была нарисована ящерица с женской головой, сидящая на языках племени. Саламандры вообще-то существа огня... Под жакетом я нашупал висящую на груди дудку, затем потрогал черную суму с картой. Дудка и карта связаны? Пока непонятно. Так или иначе, мне нужно разобраться, кому и зачем понадобилась карта, хотя как это сделать, тоже пока не ясно. С дудкой немного проще — следует найти мастера, способного починить ее. Если такой в Запе есть.

Теперь меч. Заговоренный клинок — просто неплохое оружие, ничего больше.

Язык болотной волчицы. Тоже оружие, ядовитое. Либо продать, если станет туго с деньгами, либо использовать, если возникнет необходимость.

Закливание ледяного удара... пока не научился им толком пользоваться, но на самом деле это тоже оружие, только магическое. Вопросов нет.

Темное зрение. Очень полезное умение! Всячески развивать и тренировать, даже в ущерб остальным способностям.

Суперсчет. Черт знает, с ним вообще пока ничего не разобрать. Он еще никак не проявился.

И самое главное. Квест, выданный старой ведьмой из табора вайранов. Убить Краснобара. Вроде, он возглавляет красно-черных асинов, а они смахивают на городских полицейав или на гарнизон внутренней безопасности. Красный великан служит Чвану Мозговику. Задача — расспросить горожан, узнать побольше про местную ситуацию, про асинов, Краснобара и Мозговика.

А потом... нет, не обязательно мне его убивать. Возможно, легче и проще будет нанять опытного мага, чтобы вытащил заклинание из моего черепа.

Ледяная сеть рассерженно шевельнулась в голове. А потом сжалась. Только максимальное усилие воли помогло мне не закричать. Глаза наполнились слезами, и я прохрипел сквозь сцепленные зубы:

— Твою мать, отпусти! Я тебя понял! Убью гада, ладно! Но я не смогу этого сделать, если у меня мозги вытекут через ноздри!

* * *

Ужин и ночь в трактире стоили семь серебряных монет. Можно было уложиться в пять, но я предпочел комнату попримачнее. Заняв столик в темном углу зала, подальше от пышущего жаром камина, умял тарелку жареного мяса с подливой и тушеными овощами, запил кувшином вина. И при этом успел трижды, сколько позволяла медленно восстанавливающаяся мана, задействовать «темное зрение».

Первым стал пьяный посетитель, сидящий с приятелями и немолодой крикливой шлюхой за столом неподалеку. От него я быстро отключился, потому что картинка была мутной и часто раздваивалась, из-за чего кружилась голова. Второй была разносчица. Ее глазами увидел кухню, жирного повара с помощниками. Необычно лицезреть торчащие по бокам женские руки, сжимающие очередной поднос с тарелками.

Третьим взял в оборот кобольда-уборщика — ушастого коротышку с рыжими волосами, выступающими из-под кожаного колпачка, в бриджах и огромных башмаках с толстыми покатыми носами. Он появился из двери с веником и совком в руках, когда пьяный здоровяк, сидящий за столом с дружками и шлюхой, ненароком смахнул на пол миску с остатками еды.

Вот тут-то меня и поджидала неожиданность.

Подключившись к кобольду, я увидел мир с высоты своих коленей. Все немного пожелтело, краски потускнели, зато... ну да, точно — малый видит разницу температур. Розоватые коконы окутывали тела людей, а вокруг камина багровело густое дрожащее пятно.

Кобольд, по дороге небрежно сметая на совок всякий мусор, прошествовал к столу, вошел под него, как под навес, и стал убирать осколки тарелки с вывалившимися остатками еды. Я с любопытством наблюдал за окружающим под непривычным углом зрения. Компашка за столом на уборщика не обратила внимания. С двух сторон торчали согнутые в коленях ноги, три пары — в штанах, одна — прикрытая серым платьем. Судя по ширине лодыжек, ноги у тетки как бревна, к тому же она сидела, не по-женски широко расставив ноги. Я вдруг подумал, что забавно было бы несильно пихнуть ее концом метлы между толстых ляжек...

Своей мыслью я будто подтолкнул уборщика. Или просто он сам подумал о том же? Конец метлы ткнулся, куда я и хотел, смяв подол платья. Шлюха хрипло завизжала, вскакивая. При этом она так отшатнулась назад, что перевернула лавку вместе с сидящим рядом мужчиной. Он спиной полетел на пол, его приятели, сидящие напротив, тоже вскочили, вместе с одним из них женщина сунулась под стол... Но кобольда там уже не было. Он бесшумно выскочил наружу, пробежал вдоль стены, положив метлу на плечо и аккуратно неся перед собой совок, чтоб не рассыпать мусор — и, никем не замеченный, остановился возле двери, ведущей в подсобные помещения. Оглянулся. За столом бушевали и ругались, хрипло кричала шлюха.

Мне показалось, что от кобольда ко мне пришло эхо удивления, будто он сам не понимал, почему вдруг сделал то, что сделал, и часть его эмоций передалась через «темное зрение». А потом оно отключилось — снова закончилась мана.

Сведя брови над переносицей, я откинулся на стуле. Что это было? Неужто и правда мысленно подтолкнул его? А, вот и меню мигает. Раскрыл...

Особые умения:

Темное зрение. Суперсчет: \$%^*&\$##@#

Уровень 1

Уровень 2

Так! Во-первых, надо качать умение дальше, очень полезная штука. Во-вторых, неужели на более высоких уровнях оно даст мне способность управлять людьми? Всеми или только существами поглупее, вроде уборщика? И как долго? И насколько сложные действия я могу заставить их совершить? Только такие, почти случайные, когда объект и сам толком не понимает, что его «подтолкнули», или нечто более сложное тоже? Все вопросы требовали ответов, но сейчас я не мог дать их.

Голоса в зале усилились — потревоженная компания наконец сообразила, кто стал причиной происшествия, и в полном составе направилась к дверям, где стоял кобольд, причем один из дружков оскорбленной женщины держал за горлышко бутылку, а другой — нож.

Из дверей вышел тролль-хозяин (я уже знал, что его зовут Хатбор), и уборщик юрко отскочил ему за спину, откуда уставился на делегацию веселыми наглыми глазами.

На подходе к хозяину женщина снова заголосила. Компашка остановилась перед троллем, который сложил руки на груди и не собирался сдвигаться с места. Он заговорил, вроде что-то успокоительное, я со своего места не слышал. Кобольд высунулся из-за него и соорудил обидную рожу. Женщина хрипло разоралась, и самый здоровый из парней попытался сдвинуть тролля с места, да еще и махнул ножом.

Хатбор подался вперед. Очень быстро — будто клюнул. Могучий выпуклый лоб впечатался в человеческое лицо, раздался хруст, и парень с воплем отлетел назад, едва не сбив с ног других.

Но не это привлекло мое внимание. Я даже привстал, моргнув, когда понял, что еще произошло. В момент удара лапа тролля метнулась вперед, толстая кисть согнулась, пальцы сплелись... и нож, крутанувшись, переключился из руки буйного клиента к хозяину заведения.

И пока компашка подбирала своего поверженного приятеля, пускающего красные пузыри из смятого носа, пока они спешно ретировались из зала, а вынырнувший из-за

спины хозяина кобольд собирал со стола оставшуюся после них снедь, тролль Хатбор стоял, привалившись к косяку, и поигрывал ножом. Клинок то выныривал между пальцев, то крутился, перескакивая в обратный захват, то пропадал в широченной ладони.

Какой интересный тролль! — я понял, что до сих пор стою, приподнявшись над лавкой, и уселся обратно. То, как он засветил тому придурку, — обычный уличный прием, но до чего же ловко он отобрал перо! Это уже особое боевое умение, вышибалы в кабаках таким обычно не владеют. Да и движения ножа... Вдруг, заметив мой интерес, Хатбор опустил руку. Окинул меня взглядом и ссутулился, словно вспомнив, что должен изображать неповоротливого толстого трактирщика, после чего ушел в дверь вслед за вернувшимся кобольдом.

Гм. Не скажу, что все это меня особо касалось, но я привык замечать всякие мелочи, потому что обычно из них можно извлечь пользу.

За это время мана успела восстановиться, и я провел еще минут десять, настраиваясь то на одного, то на другого «клиента» и пытаюсь повторить то, что получилось с кобольдом.

В конце концов, когда уже пришлось выпить малый эликсир восстановления, у меня снова вышло. Убирающий посуду с моего стола разносчик, получив незаметный мысленный тычок под локоть, перевернул поднос на пол и разбил половину пустых тарелок.

На шум снова явился Хатбор и окинул меня подозрительным взглядом. Следом притопал кобольд-уборщик с метлой и совком. Разносчик извинялся, ползал на карачках и собирал осколки. Я с ледяным спокойствием встретил взгляд тролля, кинул разносчику пару монет, чтоб малый чересчур не переживал, и ушел в свою комнату на втором этаже.

Ледяная сеть подергалась, вызвав приступ тягучей головной боли, напоминая, что времени у меня мало, но вскоре успокоилась и позволила мне заснуть.

* * *

Тихий вскрик за окном повторился. Скинув одеяло, я сел и прислушался. Была глухая ночь, в окно лился призрачный зеленоватый свет. Наверное, неподалеку снаружи стоит одна из клумб с фосфоресцирующей травой.

Из-за окна донеслось шуршание, приглушенные шаги, всхлип. А потом стук, похожий на звук удара. Я вскочил, бесшумно подошел к окну и выглянул со второго этажа трактира.

В небе сбоку от черной громады горы висела ущербная луна, покрытая бледными концентрическими кольцами, с круглым пятном на полюсе.

А внизу четверо странных созданий в темных плащах с капюшоном тащили двоих. У одного на голове мешок, руки стянуты за спиной, другого тоже скрутили... Э, да это «другая» — на ней платье. Когда я выглянул, ей впихивали в рот кляп. Из широких рукавов похитителей пробивался призрачный лиловый свет, под капюшонами тоже светилось. Один из них держал предмет, который с первого взгляда показался мне полоской тусклого мерцания, позже удалось разглядеть клинок легкого меча. Интересно, существо и правда держит оружие или клинок — продолжение спрятанной в рукаве конечности?

Будто ощутив мой взгляд, оно вскинуло голову. Под тканью светился лиловый овал с темными пятнами глаз и рта, пугающая световая маска... или у него лицо такое? Я прищурился — показалось, что сквозь слой воском застывшего света узнаю черты лица. Неужели?... Да, точно! Он не мог увидеть меня в темной комнате, так что я не шевелился, продолжая наблюдать. Оставалось только надеяться, что у этого, в плаще, нет способности к ночному зрению.

Похитители потащили пленников дальше, свернули за угол трактира и пропали из виду.

Интересно. Что за дела творятся тут по ночам? Я быстро оделся, натянул сандалии и, подхватив меч в ножнах, покинул комнату.

На лестнице было темно, снизу едва пробивался красноватый свет. Бесшумно спустившись, вошел в зал.

В камине тлели угли, изредка вспыхивающие язычками пламени, света они давали мало, но мне почудилось, что спиной ко мне у дальнего окна застыл некто большой и зеленый. Он начал оборачиваться, я моргнул — и понял, что там стоит хозяин постоянного двора. И никакой он не зеленый. Да и не такой уж большой. Нет, точно: что-то не так с этим троллем!

Судя по всему, хозяин до моего появления так же наблюдал за похитителями. Я подошел, встал по другую сторону окна и выглянул. Хатбор молча покосился на меня. Четверка волокла пленников в глубину площади, на краю которой стоял трактир. Девушка дергалась, мотала головой и мычала сквозь кляп. Я окинул взглядом темные дома вокруг. Любопытно, сколько глаз наблюдают сейчас за происходящим? Посмотрел на Хатбора, а он глянул на меня.

— Ты большой, я большой, — сказал я. — Можем выйти и навалить этим мужикам.

Он снова уставился в окно, большие кулаки сжались. Потом вздохнул:

— У них лунные клинки. В такие ночи — опасная вещь. Нужны заговоренные доспехи, иначе не сладить. К тому же не успеем, там кибитка с раптоидом.

— Где? — я приник к окну.

И заметил в глубине площади, где не было источников света, крытую черную повозку, запряженную ящером. Большой и тоже черный, с длинным хвостом, он лежал, поджав лапы. Глаза горели тусклым огнем.

— Раптоид... — повторил я.

— Может заглотить человека, как змей — кроля, — уточнил тролль.

Тем временем пленников толкнули в кибитку, похитители залезли следом. Я не видел, управляет ли кто-то ящером, но тот поднялся, дернул хвостом и пошел. Глаза его загорелись ярче. Скрипнули оси, кибитка покатила прочь.

Когда она исчезла из виду, я спросил:

— И часто здесь такое происходит?

— Каждую ночь, — проворчал он, отходя от окна.

— Кто эти похитители, кого они утаскивают? И куда?

— Слуги Чвана Мозговика. Кто ж еще? Призраками их называем. А забрать могут любого.

— На гору людей уводят?

— На гору... Ну да, туда.

Хатбор ушел на кухню. Я сел за стол у окна, положил на подоконник ножны с мечом. Никакие они не призраки, да к тому же не слуги Чвана Мозговика. По крайней мере — напрямую.

Хозяин вернулся с большой плетеной бутылкой и стаканами. Поставил их на стол, налил вино, усевшись, спросил:

— Ну, и откуда ты такой взялся, ничего не знающий?

Вопроса я ждал и ответил не задумываясь:

— Наемник. Буром звать. Долго жил там... — неопределенно махнул рукой в сторону пустыни. — На границе.

— Наемник? Чем промышляешь?

— Всяким.

— Угу, всяким. Так не понял я, наемник Бур, где именно обитал ты?

— Возле гейзеров. Шалаш поставил и жил.

— Это зачем же? — удивился он.

— Обет я дал. После одного дела... грязного. Обет, что проживу два года в одиночестве. Думал. Над жизнью, над собой.

— Да что ж ты ел там?

Я неопределенно пожал плечами.

— Ящериц песчаных. Тушил их в гейзерах.

По носатому лицу невозможно было понять, поверил он или нет. А вообще вел себя хозяин постоянного двора необычно. Вечером, когда зал был полон посетителей, он держался услужливо, немного суетливо, по-тролльи. А теперь казался более основательным, неторопливым и... сильным, что ли? Что-то Хатбор скрывает или, скажем так, — что-то в нем скрывается, только пока не пойму что.

— А ты давно здесь? — Я сделал глоток вина. Оно было неожиданно крепким, слегка зашумело в голове.

— Да уж не вчера прикатил. Дивно, наемник, что ты так мало знаешь про наши места. Это ж, — он ткнул пальцем в сторону горы, — великая Шамба. Про нее все в Мегалоне знают, про нее и про Зап, да про Чвана Мозговика, Короля Шамбы. А ты — «на гору, на гору»... не слыхал даже, что Шамбой зовется?

— Слыхал. Ты лучше скажи, зачем призраки горожан крадут? Что с ними Мозговик делает?

— Того никто не ведает. Утаскивают их на вершину тайными путями — и все тут. Был тут еще такой прохиндей, Хитрый Гримли, торговец, недавно вроде и появился, а быстро в силу вошел. Так он Чвану девиц поставлял. Все больше человеческих, но не только. Наложниц, стало быть, хотя, может, и для какой другой надобности. Скупал их у степных племен, ну и горожанок из бедных кварталов, говорят, по его наущению похищали. Поставлял Мозговичу и за то монету имел. И власть. Так вот.

— А почему ты сказал «был»? — уточнил я.

Хатбор опустошил стакан, налил себе еще. Я пил совсем маленькими глоточками и в новой порции пока не нуждался.

— Пропал Гримли, — пояснил он. — Недавно, прям из своего дома исчез.

— А вот этот... — я сделал вид, что припоминаю, щелкнул пальцами. — Краснобар. Слышал его имя на улице. Это кто?

Глаза тролля блеснули в полутьме. Он насупился, потер свой несоразмерный нос.

— Краснобар — то Управитель городской. Тоже, к слову, недавно объявился, хотя и ранее Гримли. Какие дела у него с Чваном, никто не знает, но въехал Краснобар в Кривую башню и стал Управителем. На него асины работают, за порядком следят.

— Видел, как они бунтаря, что ли, повели. Бунтари — это которые против власти Чвана?

— Вроде того. А еще они против похищений, хотят, чтобы Чван их прекратил. Да только он на Шамбе уже сколько сидит и вниз не глядит, никто и не помнит, когда его в последний раз и видели. Теперь тут всем Краснобар командует.

— А еще кто в Запе есть, какие силы?

— Высокий Дом есть — то эльфы. У них мастерские ювелирные, магазины, скакунов породистых выращивают. Гордые, ни с кем не знакомятся. Они в западной части Запа

хозяйничают. Ну и Гильдия Оружейников, стало быть, гномы. Те не только оружие делают, кожевенные мастерские еще держат, таверны — восточные кварталы под себя подмяли.

— И эльфы с гномами, конечно, друг друга не любят?

— Не без того. Но Краснобар их прижал, и теперь у них шаткий мир.

Он снова наполнил свой стакан, в то время как я не выпил и половины. Сидел, глядя в окно, и размышлял. Краснобар — во-первых, игрок, во-вторых, не русский. Не славянин, скажем так. Нет, конечно, и наш может выругаться на английском, но если сквозь лингвистическую перестройку проскочило английское ругательство... Напрашивается вывод, что английский для него — родной, глубоко укоренившийся в мозгу язык. Англичанин или американец. Возьмем за версию, что американец. И что работает на ЦРУ. Это не доказано, но Краснобар захватил власть в городе, правит от имени этого Мозговика, кем бы тот ни был, а Мозговик сидит на своей вершине и вниз не суется. Похоже на большую операцию — спецслужба подминает под себя целый район, то есть захватывает плацдарм в новом вирт-мире. АВП с некоторым опозданием начало свою аналогичную акцию. Хитрый Гримли в обход Краснобара вышел на контакт с Мозговиком, начал поставлять ему рабынь. По сути — он пытался вытеснить Краснобара или как минимум разделить с ним власть. И Гримли убрали. Кто? Церэушники. Снова — нет доказательств, но вполне вероятно. Интересно, а эльфийский Высокий Дом и Гильдия Оружейников — тоже игроки? Нет, слишком много нас получается, наверное, обычные местные. Неписи.

— Красивую эльфю в повозке на площади видел, — заметил я, вставая. — Богато одета, наверное, из того самого Высокого Дома. Ее два гнолла охраняли.

Хатбор кивнул:

— Бойцы из стаи Клыков. Кочевники, степняки, здесь осели. У них договор с эльфами, поклялись Дому в верности. Лучшие бойцы степей. Надо бы мне с тебя, наемник, монет взять за разговор. Я тебе много всяких сведений даю, а ты мне — шиш с пеплом.

— Да нечего мне рассказывать. — Я выглянул в окно и заметил, что небо светлеет. — Ну вот, день скоро. Ответь еще: какие лавки поблизости есть, магазины? Мне придется надо, ну и вообще...

— Имеется такое. — Хатбор тоже встал у окна и принялся показывать. — Вон тот каменный домина с железной дверью — оружейная лавка, ею мастер Думар владеет, ты его видел. Суровый мужчина, однако. С ним не шути — не поймет. Встает ни свет ни заря, скоро открываться будет, если спать уже неохота, к нему можешь сразу и зайти. Далее, левее, конус каменный с круглыми окошками зришь?

— У которого шар света на верхушке горит?

— Горит, угу. Называется Шатер Чудес, там ведьма наша живет, магиня то бишь — Виана. Эльфа, к слову. У нее эликсиры всякие, артефакты, свитки. Еще левее башенка круглая — жилище Креза. Лекаря. Он малость рассудком пододвинутый. Назвал свой магазин «Пипетка». Есть еще портняжная мастерская, она за углом левее, отсюда не видать. Над дверью у них здоровые ножницы деревянные висят, не пропустишь. Хозяйничает в ней фей — Ллиан. Ну а тот домина, — тролль сплюнул, — банк «Золотая подкова».

— Эльфийский?

— Если бы. Братья Бурзы им владеют. Тролли.

— Вот как. — Я повернулся к хозяину. — А чего ты про них так неласково?

— Мерзлюки редкостные. Родных детей вайранам продадут, если выгоду почуют. А ты, наемник, к слову — из вайранов, а?

— С чего взял?

— Хэ, с чего! Шкура смуглая, волоса белые, глаза голубые... Не замечал, что ли, как на тебя бабы в зале пялились? Все, поголовно.

— Ну, замечал.

— Бабы на вайран падки — вы ж все красавцы, как скакуны породистые, и в койке, говорят, такие же горячие.

Я хмыкнул.

— Вайраны у меня в предках были, но сам я не из них.

— То есть с табором не кочевал?

— Нет. А что, как в городе к вайранам относятся?

— Да как... Среди них ворюг много, конокрадов всяких. Так и относятся, как везде. — Он снова посмотрел на меня пристально. — Все ж таки чудной ты, наемник Бур. Неспроста, чую, в Зап приехал.

— Спроста, спроста, Хатбор, — ответил я. — И еще — мне нужно немного воска. Может, на кухне у тебя найдется?

Тут в дверь постучали, что избавило меня от дальнейших пояснений. За окном успело посветлеть. Прошел, волоча тачку с грудой камней, гном в обносках, проехали два асина на лошадях — патруль, наверное. Когда хозяин открыл дверь, в зал вошел повар, которого я видел глазами разносчицы, а следом и она сама. Завидев меня, потупилась, теребя подол платья, зыркнула исподлобья и ушла на кухню вслед за поваром.

Снаружи лязгнуло, заскрипело — мастер Думар раскрывал железные двери своего магазина. Я скривился, когда заклинание, упакованное ведьмой-вайранкой в мою голову, сократилось, послав волну боли через шею вниз по позвоночнику.

— Знаю, знаю, — пробормотал я так, чтобы никто не услышал. — Пора работать.

Раскрыл меню.

Золото: 5

Серебро: 9

Медь: 9

Денежная система Мегалона элементарна: десять медяков — один серебряк, эти монеты тут назывались нобели; десять нобелей — один золотой, риал. Можно сказать, сейчас я обладатель шести золотых риалов без мелочи. С учетом того, что ужин да ночевка на постоялом дворе средней руки стоила полриала... В общем, бабки есть, но особо не раскупишься. Надо пройтись по лавкам, прикинуть, что сразу имеет смысл взять и какую из них стоит ограбить. Может, еще в банк заглянуть, — а потом сразу к Кривой башне, посмотреть на жилище Краснобара. Пора начинать разработку плана.

Выходя из трактира, оглянулся — Хатбор застыл в дверях кухни, рядом стоял вчерашний кобольд. В драном халате, тапочках, с припухшим со сна лицом. Без кожаного колпака, рыжие волосы всклокочены, в руках дымящаяся кружка. Оба глядели на меня. Пристально глядели, и не то чтобы недобро, но изучающе, с подозрением.

Конец ознакомительного фрагмента